В. А. СНЕГИРЕВ

РУССКИЕ НА СЕВЕРЕ

ВОЕНМОРИЗДАТ ~ 1945

БИБЛИОТЕКА МОРСКОГО ОФИЦЕРА

В. А. СНЕГИРЕВ

РУССКИЕ НА СЕВЕРЕ

Борьба за освоение северных морей и рек

Военно-морское издательство НКВМФ Союза ССР
Москва *1945* *Ленинград*

Обложка, титул и заставки
художника *С. М. Пожарского*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Необозримые пространства Сибири и великие северные моря исследованы и покорены трудом и энергией русского народа. Через горы, девственные леса, пустынные тундры и многоводные широкие реки отважный русский человек с топором за поясом упрямо и упорно продвигался на северо-восток в страну холода и полярного мрака, о которой в Западной Европе ходили нелепые фантастические рассказы. На утлых челнах мореходы пускались в неведомые пути по «морю-океану», не пугаясь ни разъяренной стихии, ни ледяных гор, угрожавших раздавить храбрецов, осмелившихся нарушить мертвый покой северной природы. В просторы льда и снега вместе с русскими людьми проникла жизнь. Богатейшие природные богатства были открыты для полезного использования.

Освоение северных земель потребовало огромного труда и усилий многих поколений. Об этом рассказывает очерк Снегирева, позволяющий читателю исторически следовать за русскими по пути освоения ими земель от Урала до Берингова пролива и Охотского моря. Еще в XI—XII вв. новгородские «ушкуйники», буйная вольница, которой тесно становилось в боярском и купеческом Новгороде, водой и сухопутьем проложили первые дороги в Поморье и за «Камень» (Урал); затем, с объединением русских земель в единое национальное государство, по тем же дорогам пошли московские воеводы; их походы в конце XV в. в Зауралье, в бассейн р. Оби, явились по существу дальней разведкой, подготовившей дальнейшие успехи в продвижении на Восток.

Собранные русскими людьми известия о северных землях и народах внесли ценнейший вклад в мировую географическую науку.

Новую главу в истории освоения Сибири открыл казачий атаман Ермак Тимофеевич, который с отрядом всего в несколько сот человек, «буйственных и храбрых», покорил обширное царство Кучума. Историческое значение похода Ермака заключалось в том, что он проложил дорогу на восток, за р. Обь, куда уже в конце XVI в. устремились небольшими группами и отрядами вооруженные промышленники, казаки и прочий люд. К тридцатым годам XVII в. русские вышли на р. Лену, а еще через несколько лет появились на берегу Ледовитого океана у северо-восточной оконечности Азии.

Сравнивая эти плавания по совершенно не исследованным порожистым рекам и Северному океану с такими же морскими плаваниями, предпринятыми на Западе, нельзя не обратить внимание на одну существенную разницу: там они совершались опытными моряками, в России — простыми крестьянами, преимущественно выходцами из Северного Поморья [1].

Семен Дежнев, своим легендарным переходом на челнах из устья р. Колымы к устью р. Анадыря (он высадился на берег южнее Анадыря) впервые открывший морской проход между Азией и Америкой, был крестьянином Устюжского уезда. Скромный казак и не подозревал о величии и научном значении своего подвига. О нем вскоре совершенно забыли. В первой четверти XVIII в. знаменитый ученый Лейбниц предлагал Петру Великому снарядить особую экспедицию для выяснения вопроса, соединяется ли материк Азии с Америкой?

Из того же Устюжского уезда происходил Ерофей Хабаров, совершивший не менее трудную экспедицию по Амуру.

[1] Поморьем назывались в совокупности берега Белого моря и бассейны рек, впадающих в него.

С двумя-тремя сотнями казаков он захватил землю Даурии, славившуюся своими естественными богатствами. В нем также был богатырский дух Ермака, подвиги которого служили примером для всех последующих искателей новых земель.

Нельзя не изумляться и исключительной отваге и находчивости Владимира Атласова, который с горстью служилых и промышленных людей в 1697 г., преодолев невероятные трудности в пути, обошел значительную часть Камчатки. Не имея образования, но обладая большим природным умом и острой наблюдательностью, Атласов составил интереснейшее описание открытой им земли. По полноте и точности собранных географических и этнографических сведений оно стоит выше многих научных описаний XVIII в. как русских, так и иностранных.

Дежнев, Хабаров, Атласов — лишь наиболее яркие фигуры среди подобных же искателей новых земель и драгоценной пушнины. От их походов так и веет той несокрушимой энергией и пытливостью, которые суровая жизнь воспитала в русском человеке как отличительную черту его национального характера. Это были сильные, суровые люди, во что бы то ни стало добивавшиеся достижения намеченной цели. Понятно, что, рассматривая их деятельность, нельзя исходить из современной нам моральной оценки. Нужда и угнетение выгоняли их из родных насиженных мест, жажда добычи и погоня за пушниной влекли их все дальше и дальше на северо-восток. На исследование неведомых земель и морских просторов также толкали и пытливый ум и природная предприимчивость русского человека. Однако какими бы ни были в каждом отдельном случае личные причины, побудившие совершать далекие путешествия и плавания, в целом они определяются социально-экономическими и политическими условиями жизни и развития феодального Русского государства.

Несомненно также, что деятельность отважных сибирских «землепроходцев» имела огромные исторические по-

следствия. Именно в то время между Сибирью и европейской территорией России утвердились экономические и культурные связи, которым в дальнейшем предстояло крепнуть и развиваться.

Борьба за северные земли Поморья и Сибири была в то же время борьбой за северные моря. То, что позже и долгое время безуспешно пытались совершить западные мореплаватели на хорошо оснащенных кораблях — пробить в Заполярье морские пути на восток, много раньше делали и сделали отважные русские люди на небольших речных ладьях.

Им принадлежит честь этих великих географических открытий. Но в XVII в. это было лишь начало. Широкие научные работы по изучению Севера русскими учеными и моряками развернулись в XVIII в. и были с успехом продолжены в XIX столетии.

Теперь Север — не сказочная страна, а богатый край советской страны. Ныне с территории, лежащей за Полярным кругом, идут уголь, чугун, цветные и благородные металлы, пушнина, морской зверь, рыба и многие другие продукты, необходимые для промышленности и питания.

Советские моряки доказали возможность регулярного плавания по Ледовитому океану и проложили трассу самого длинного арктического морского сообщения — от Архангельска до Владивостока. Этим завершилась вековая борьба за покорение северной природы, героическое начало которой показано в очерке В. Л. Снегирева.

Нет сомнения, что каждый моряк с интересом прочтет эту книгу, повествующую о мужестве и отваге наших предков.

Проф. К. В. Базилевич

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Начало освоению Поморья было положено жителями Новгорода Великого еще в IX—XI вв., когда первоначальная его территория стала расширяться на север и главным образом на восток. С первой половины XII в. в числе новгородских земель уже упоминается волость Тре, т. е. Терский берег Белого моря.

Вначале новгородцы расширяли свою территорию за счет присоединения земель, лежащих на восток, по направлению к Уралу и за Урал. Новгородская земля была «неродима», ее население обрабатывало землю без верной надежды на урожай. Жители Новгорода не могли обходиться без привозного хлеба. Подсобные промыслы, вроде рыболовства, кормили, но не создавали достатка, а пушной зверь, некогда доходный товар, был уже сильно истреблен и ушел на север и восток. Выгодное географическое положение Новгорода на водных путях сообщения способствовало развитию его торговли. Новгороду нужен был прежде всего хлеб из приднепровской и приволжской Руси, для получения которого приходилось отдавать «заморский» товар.

Проникновение в Поморье и первоначальное его освоение Новгород осуществлял при помощи так называемых ушкуйников. Резкое имущественное неравенство между новгородскими гражданами, тяжкая экономическая зависимость трудового населения от бояр и купцов заставляли бедняков ис-

кать выхода из такого положения. Люди, спасавшиеся от неоплатных долгов и кабалы, холопы, бежавшие от хозяйской неволи, собирались ватагами «повольников», снаряжали легкие ладьи-ушкуи, на которых смело пускались на промыслы по далеким северным рекам, знакомясь с новыми областями и покоряя их. Ничто не могло удержать предприимчивости ушкуйников: ни опасности неведомого пути, ни климатические условия суровых приполярных стран. Стремление к вольной жизни, надежда на добычу побуждали ушкуйников, искавших приложения своим незаурядным силам и выхода буйной энергии, предпринимать далекие плавания. В случае надобности они переходили с одной реки на другую, волоча за собою свои ушкуи, откуда и произошло слово «волок»; если волок был очень труден, они бросали лодки и, при обилии вокруг лесного материала, быстро строили другие.

Отважные ушкуйники с великими усилиями проложили через первобытные дебри несколько водных путей на Северную Двину и Белое море.

Один путь р. Свирью шел на Онежское озеро, с восточного берега которого двигались на восток и северо-восток, главным образом, речками и озерами, так как «тележных дорог» там не было. Выходя этим путем на р. Онегу, спускались по ней к морю или с верховьев р. Емцы добирались до Северной Двины. Другой путь на восток от нижнего течения р. Вытегры к о. Лаче выходил к г. Каргополю, откуда открывались торные дороги на Северную Двину и к морю. От северных берегов Онежского озера через Маткозеро шли пути на реки Выг, Суму и Нюхчу прямо к берегам Онежского залива. Наконец, от старинного Новгородского городка Корелы (Кексгольм) был путь в северо-западный угол Олонецкой области, а оттуда на Корельский берег Белого моря. Такими путями достигали новгородцы тех заветных мест, где в изобилии имелась тогда желанная добыча в виде рыбы, морского зверя, соли и пушнины.

Вследствие отдаленности Новгорода от богатых промысловых мест на севере и трудности путей туда бедному новгородцу-переселенцу было не под силу в одиночку итти в Поморье. На далекое Беломорское побережье с успехом могли проникать только хорошо организованные партии переселенцев, ставившие своей целью завести новый промысел или основать новое становище для морского лова. Подобные партии снаряжали главным образом бояре, желавшие завести или увеличить свои промысловые заимки на севере. Собрав у себя своих холопов (дворовых людей), боярин снабжал их всем необходимым для опасного похода, после чего они отправлялись на северо-восток одним из путей, описанных выше. Все подходящие места на морском берегу или реке, не занятые ранее, занимались дворовыми людьми на имя своего хозяина и, становясь боярскою «вотчиною», вместе с тем являлись опорными пунктами для дальнейшего освоения края. От них во все стороны тянулись соляные варницы, рыболовческие поселки, ловчие станы, а там, где было возможно занятие земледелием, и «орамые земли», т. е. деревни с пахотной землей. Под защитою сильного и богатого хозяина, помимо его холопов, усаживались на удобных для хозяйственной деятельности местах и мелкие вольные люди. Позднее число переселенцев пополнилось монастырскими иноками: они уходили из своих монастырей на север, в глушь, или по своему личному желанию или же по приглашению владельцев вотчин, завещавших и даривших монастырям «на помин души» свои села, земли и промыслы.

Московские князья со времени Ивана Калиты, помимо договоров с самим Новгородом, приобретали в Поморье «места» (владения) путем покупки их у ростовских и ярославских князей, которые иногда уступали Москве свои заимки и становища по завещаниям. С тревогой смотрел Новгород на подобные приобретения и часто с оружием в руках выступал на защиту своих интересов. Так, например, случилось в конце XIV в., когда Двинская земля, пользовавшаяся в отношении Новгорода некоторой автономией, стала тянуть в силу своих экономических интересов к Москве с целью отложиться от Новгорода. В свя-

зи с этим между Москвой и Новгородом началась война (1397), причем победа осталась на стороне последнего. Тогда Новгород был еще достаточно силен, и Москве пришлось временно отказаться от своих видов на Двинскую землю.

Но это обстоятельство в конечном счете ничего не изменило. Победа Москвы — «собирательницы» разрозненных русских земель в единое государство все равно была предрешена общим ходом исторических событий. Во второй половине XV в., в период образования при Иване III Русского национального государства, Москва покончила с самостоятельностью Новгорода и присоединила к своим владениям все его поморские владения.

Таким образом на рубеже XVI в. к владениям Московского государства были присоединены все обширные полярные земли и области от Мурманского побережья на Кольском полуострове до зауральской Югры включительно. Это было очень важное в экономическом отношении приобретение, потому что до открытия и освоения европейцами Северной Америки наше Поморье и сопредельные с ним области были единственным для всей Европы источником пушнины.

Здесь необходимо заметить, что западноевропейские географы средних веков, описывая крайний север Европы, руководились известиями авторов греко-римской эпохи (Геродот, Плиний, Страбон), которые, в свою очередь, писали на основании легенд, слухов и догадок. В соответствии с этим в западноевропейских космографиях, иллюстрированных атласах с текстом (например, в Космографии Мюнстера 1544 г.) сообщалось о нашем Поморье, что эта обширная область покрыта вечным полуночным мраком, в которой обитают карлики, щебечущие по-птичьему, люди, с головы до ног покрытые шерстью, существа, полгода проводящие в спячке, и т. п. Такие баснословия, свидетельствующие об уровне познаний ученых географов Западной Европы XV—XVI вв., передавались за достоверное.

ГЛАВА ВТОРАЯ

О путях сообщения Московского государства вообще, в частности о его водных дорогах в Поморье и северо-западные земли Зауралья, с конца XV в. имеются уже достаточно точные известия благодаря так называемым «дорожникам», представлявшим собою нечто вроде рукописных путеводителей.

Эти источники свидетельствуют о том, что русские с давних времен плавали по северным рекам и совершали смелые походы по Северному Ледовитому океану. К числу подобных экспедиций относятся два морских путешествия в Данию, совершенные при Иване III. Первое из них относится к 1496 г., время второго падает, повидимому, на 1501 г. Выбор такого крайне опасного окольного пути в Западную Европу объясняется тем обстоятельством, что Финский залив находился в руках враждебно настроенной Швеции, а на суше путь преграждали ливонские рыцари и польско-литовские паны.

Подробности первого плавания известны по рассказу одного из его участников, толмача (переводчика) Григория Истомы, со слов которого Герберштейн, автор «Записок о Московии» (1549), составил особую главу своего сочинения под названием «Плавание по Ледовитому морю».

В устьях Северной Двины, где тогда не было еще города Архангельска, великокняжеские послы сели на па-

русно-весельные суда, являвшиеся простыми барками, и, борясь с противными ветрами и течениями, направились к мысу Святой Нос, составляющему точку раздела между Белым морем и океаном. Истома описывает очень верно этот мыс как огромную скалу, выдающуюся в море на подобие носа, под которым находится пещера с несколькими водоворотами. Счастливо избегнув гибели в этом страшном месте, послы пошли дальше уже океаном, а навстречу им приближался другой опасный пункт — Семиостровская группа островов, лежащая близ Мурманского побережья. Около этого небольшого архипелага суеверные поморы исстари приносили «умилостивительные жертвы» божеству, обитавшему в мрачной скале-мысе. Так произошло и на этот раз. Когда русские мореходы были задержаны на несколько дней в этих местах противными ветрами, кормчий судна, на котором шел Истома, сказал ему, что если не умилостивить скалу каким-нибудь приношением, то нелегко будет миновать ее. Истома упрекнул кормчего за его пустое суеверие, тот промолчал, но все-таки сделал по-своему: принес скале жертву в виде овсяной кашицы, смешанной с маслом, и твердо был уверен, что благодаря этому на пятый день неблагоприятные ветры, наконец, стихли.

После счастливо выдержанных штормов русские мореходы встретили на своем пути новый огромный мыс — Мотку, на оконечности которого норвежцами был выстроен замок Вардехус (сторожевой дом), ныне город и гавань того же названия. По сообщению Истомы этот мыс так далеко вдается в море, что на небольшом парусном судне его едва можно обогнуть дней в восемь. Чтобы не замедлять своего и без того долгого путешествия, Истома и его спутники, в числе которых был датский посол Давид, на плечах перетащили суда и груз через перешеек в полмили.

В Дронте (Трондхейм), первом городе на всем этом длинном пути, кончилась морская часть путешествия русских послов; дальше, на г. Берген, они ехали уже на оленях. Обратный свой путь они совершили через Балтийское море.

Сведения, сообщенные толмачом Истомою о природных особенностях Севера, о летнем солнцестоянии, о полугодовой ночи, о плавающих льдах, о моржах, оленях и пр., показывают, что наши далекие предки обладали обширными сведениями, которые значительно обогатили европейскую науку. Значение этих сведений станет особенно ясным, если вспомним, какие курьезные представления о приполярных странах Европы были распространены тогда на Западе.

«К сожалению,— говорит исследователь прошлого столетия,— история не сохранила имен тех отважных русских мореходов, которые, ведя борьбу с великими препонами, воздвигаемыми суровою природою Севера, впервые проложили пути по Ледовитому океану. До нас дошли только драгоценные указания относительно плавания русских в XVI в. по этому морю, свидетельствующие, что они были знакомы с очертанием северного берега Европейского материка и с положением близлежащих островов»[1].

Мы располагаем значительными данными о поморском судостроении того времени. Плотничье дело на Руси, отличаясь необычайной устойчивостью, в течение многих столетий в основном оставалось почти неизменным. Это в особенности видно в несложных постройках (преимущественно деревенских), основою которых служит клеть (связь бревен на четыре угла) — строение, с древнейших времен уцелевшее в своей первоначальной простоте и поныне. То же самое можно сказать и о судостроении вплоть до создания Петром I военного и торгового флота по западноевропейскому образцу. Суда, на которых русские при киевских князьях плавали по Днепру, Волге и выходили в Черное и Каспийское моря, ничем существенно не отличались от тех деревянных же судов, на которых русские со времен новго-

[1] Е. Замысловский, Герберштейн и его историко-географические известия о России, Спб., 1884, стр. 89.

родских ушкуйников совершали свои плавания по рекам Поморья и Северного Ледовитого океана.

Особенности водных путей определяли характер судов, и потому в наших старинных источниках встречается множество названий всевозможного рода судов и лодок, которые отчасти сохранились и теперь, отчасти утратились. Самое большое судно на всех больших реках называлось дощаник, длина которого доходила до 10 и больше сажен; за ним следовали насады, погружавшиеся в воду фута на четыре и (правда, в отдельных лишь случаях) вмещавшие в себе до 200 тонн груза. Более мелкие суда назывались: набой, струг, шестерик, оханка, морянка, карбас, учан, шитик и пр. С течением времени названием струга (первоначально — лодки) стали обозначать вообще среднего размера судно; по небольшим рекам и наглубоким морским водам ходили преимущественно струги тонн в тридцать. Некоторые суда назывались по месту своего происхождения: тихвинка, белозерка, ржевка, устюжка.

Русские суда того времени по преимуществу были плоскодонными. Это объясняется тем, что морские плавания были главным образом каботажные, т. е. прибрежные, когда нужно было преодолевать многочисленные мели и подводные камни; это затруднение учитывалось и при речных плаваниях. Паруса были прямые, которыми пользовались только при попутном ветре. При отсутствии его передвигались при помощи весел. Но в подобных случаях существовал и другой способ передвижения, в особенности вверх по течению рек, очень трудный и медленный: бросали якорь примерно версты на 1½ впереди; люди, находившиеся на судне, тянули за канат, к которому был привязан якорь, и таким образом удавалось продвинуть судно в течение дня на очень небольшое расстояние. Иногда люди, идя берегом, тянули судно бичевой. Число людей даже и на более крупных судах редко когда превышало 50 человек, в среднем же их бывало 20—25.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Известия о плаваниях и открытиях русских людей на крайних пределах северо-восточной Европы, проникая на Запад, уже в первой половине XVI в. оказали немаловажное влияние на развитие географических познаний. С этих пор в сочинениях западноевропейских авторов появляются (помимо Герберштейна) гораздо более достоверные сообщения об «Океане Мрака» (Ледовитый океан), Поморье и областях, сопредельных с ним. Важное значение в настоящем случае имели вышеупомянутые «дорожники», широко использованные Герберштейном. На основании их и других известий, полученных за время проживания в Москве, он составил карту России и смежных с ней областей, приложенную к его «Запискам о Московии».

По мере ознакомления Запада с Московией, желание использовать русские владения в качестве водного и сухопутного подступа к заманчивым азиатским рынкам крепло с каждым десятилетием.

В XIV в. начинаются интенсивные поиски западноевропейскими купцами новых путей к богатствам Азии, в обход преграды, созданной мусульманскими завоеваниями. Взятие Константинополя турками в 1453 г. окончательно отрезало Европе дорогу на Восток и послужило новым толчком к неотложному разрешению назревшей проблемы.

В поисках новых дорог к рынкам сбыта и вывоза итальянец Колумб переплыл под испанским флагом Атлантический океан и, сам того не ведая, открыл в 1492 г. Новый Свет. Вслед за этим в 1497—98 гг. португалец Васко де-Гама проложил новый путь в Индостан, морем вокруг Черного материка (Африка). С этого момента изменились прежние пути европейско-азиатской торговли, и ее фокус из бассейна Средиземного моря переместился на Атлантическое побережье Пиренейского полуострова, чем и объясняется необычайно быстрый, хотя непрочный экономический подъем Испании и Португалии.

Англия и Голландия, обеспокоенные быстрым ростом экономического и морского могущества Португалии и Испании, захватившими всю торговлю с Востоком, в XVI в. предпринимают многочисленные экспедиции с целью открытия новых морских путей в страны Востока по Северному Ледовитому океану. Огромную деятельность в этом направлении развернула учрежденная в Лондоне в 1552 г. «Компания купцов-исследователей для открытия неведомых стран».

Уже летом 1553 г. флотилия из трех кораблей, снаряженная компанией, отплыла под общим командованием Хью Уиллоуби от берегов Англии для установления пути через воды Северного Ледовитого океана в Китай. В отношении поставленной Уиллоуби цели экспедиция потерпела неудачу. Два корабля были затерты льдами около берегов русской Лапландии, причем, как выяснилось позднее, весь экипаж их погиб. Третье судно под командой Ричарда Ченслера, продвигаясь дальше на восток, случайно достигло в августе устья Северной Двины. Узнав, что он находится во владениях русского царя, Ченслер, имевший при себе копию рекомендательной грамоты короля Эдуарда VI, отправился в Москву, где был очень милостиво принят Иваном Грозным. Просьба Ченслера разрешить англичанам и впредь пользоваться беломорским путем для торговых сношений с Россией была удовлетворена. Весною 1554 г., выгодно распродав в Холмогорах привезенные с собою товары и нагрузив свой корабль мехами, кожами, китовым жиром и пр., Ченслер с письмом Грозного отправился на родину. С этого момента завязались постоянные торговые и дипломатические сношения России с Англией.

В Лондоне сообщение Ченслера об открытом им пути в Россию, о ее размерах и обилии природных богатств произвело сильное впечатление. О значении этого открытия наглядно свидетельствовали привезенные Ченслером товары. «Компания купцов-исследователей» была преобразована в «Русскую» или «Московскую компанию», которая, не отказываясь от мысли проложить новый путь к дальневосточным рынкам, главной своей целью поставила монопольную торговлю с Россией. Во второй приезд Ченслера в Москву, по желанию Ивана Грозного, был утвержден в 1555 г. торговый договор, согласно которому «Московская компания» получила право свободного въезда в Россию и проезда через ее территорию в другие страны, иначе говоря, право свободного пути на Восток.

Лет пятнадцать спустя после англичан на нашем севере появились их торговые соперники — голландцы. Целью их деятельности в Московии было не только завести торговлю с русскими, но и проложить северный морской путь к дальневосточным рынкам. Голландцы, так же как и англичане, пользуясь Поморьем в качестве базы, настойчиво искали этот путь. И так же, как англичанам, им оказывали в этих поисках помощь наши поморы. Известно, например, что в 1594 г. голландцы встретили близ о. Колгуева русское судно, поморы сообщили им полезные сведения о тех местах, где они тогда находились. При этом русский кормчий нарисовал для голландцев «чертеж» берега от Белого моря до р. Печоры. В 1595 г. голландцы, стоявшие около о. Вайгача, узнали от русских мореходов, что ежегодно из Холмогор несколько судов ходят в Обь и далее до «Гилисси», т. е. Енисея.

Руководствуясь такими указаниями русских, голландцы продвигались, хотя и медленно, к востоку по водам Ледови-

того океана, причём постоянно встречали следы русских плаваний. На мысе Медынский Заворот около реки Мезени голландцами было найдено множество крестов, из которых один с удивительным искусством был украшен русскими письменами. На Матвеевом острове у берегов Новой Земли голландцы обнаружили заброшенные постройки и большой деревянный крест с надписью «Лета 7083 (1575) поставил крест — Береза да Федор Павлов сын Моло». Из местонахождения этого креста явствует, что в XVI в. русские уже бывали на Новой Земле и знали о проливе Маточкин Шар, разделяющем ее на два острова. К сожалению, сколько-нибудь подробных известий о русских плаваниях в это время вообще по Ледовитому океану, в частности на Шпицберген, издавна известный русским под именем Груманта, в наших источниках не имеется.

Фрэнсис Черри, главный агент Московской компании, ездивший в восьмидесятых годах XVI в. в Пермский край, сообщал, что он слышал от русских путешественников о «теплом море», лежащем за Обью в юго-восточном направлении. Это было известно и голландцам, ошибочно думавшим, что северо-восточный морской путь не так уж труден, а Китай недалек.

В девяностых годах XVI в. Голландия снарядила три экспедиции в Китай и Японию через Ледовитый океан. Однако голландцам, подобно англичанам, не удалось проложить новый морской путь на Дальний Восток, а равным образом и проникнуть сушей за Уральский хребет.

Вся честь географических открытий новых обширных областей за Каменным поясом принадлежит исключительно русским. В широких масштабах начало этому было положено знаменитым походом Ермака Тимофеевича.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Биографические данные об Ермаке до поступления его на службу к купцам-промышленникам Строгановым очень скудны. Достоверно известно лишь то, что в 1579 г. Ермак с другими атаманами и 540 казаками перебрался, по личной инициативе, а может быть по приглашению Строгановых, с Волги на Каму.

В XVI в. на северо-востоке Московского государства на Каме, ее притоках и р. Вычегде находились обширные владения Строгановых. Строгановы развили энергичную колонизационную и торговую деятельность. Все природные богатства Поморья входили в их деловой оборот, давая им ценные товары для выгодного торга как внутри страны, так и с «заморьем» (с заграницей).

В целях обороны от зауральских татар, остяков, вогулов Иван IV разрешил Строгановым ставить острожки и набирать гарнизоны из казаков и вольных крестьян для охраны этих укреплений, снабженных различным оружием, порохом, свинцом и пр. В 1574 г. согласно царской грамоте Строгановы получили разрешение перейти в зауральские земли, строить городки на р. Тоболе и населять тамошние места русскими людьми. Так на речных путях в Зауралье, на ближайших подступах к его ископаемым и пушным богатствам возникла колоссальная частновладель-

ческая вотчина, нечто вроде «пограничного государства». Помимо своего оборонного значения на далекой окраине страны, она явилась тем местом, с которого началось постепенное освоение русскими зауральских областей.

Ведя торговые операции с Западной Европой, Строгановы в особенности интересовались пушниной, так как она была тогда самым выгодным предметом русского экспорта. Но в это время ценный пушной зверь в значительной мере в землях Поморья уже был истреблен; в поисках за ним приходилось отправляться дальше на восток за Каменный пояс, в Мангазею[1]. «Охочие люди» Строгановых разведывали для них сухопутные и водные пути в Зауралье, в результате чего их хозяева задумали снарядить экспедицию морем от Холмогор на Обь. Уже было приступлено к постройке на Северной Двине особых кораблей для этого плавания, но по разным причинам задуманная экспедиция не состоялась, и Строгановы решили проникнуть за Урал другим путем.

Крупным препятствием для продвижения в Зауралье служило Сибирское татарское ханство, образовавшееся в конце XV в. после распадения Золотой Орды. Миролюбивый хан Ядигар добровольно признал свою зависимость от русского царя и согласился платить ему дань соболями. Но в шестидесятых годах XVI в. новый хан Сибири, Кучум, убивший своего предшественника, не только прекратил уплату дани, но даже умертвил московских послов. Поступок Кучума остался безнаказанным, ибо в те годы Иван Грозный был занят Ливонской войной, принявшей для России неудачный оборот. Ободренный этим, сибирский хан стал предпринимать набеги в земли, принадлежавшие Московскому государству. Отряды Кучума переходили Уральский хребет и, вторгаясь в Пермскую область, жгли и грабили русские пограничные селения. Такие набеги

[1] Мангазеей называлась область, расположенная между Обской губой и низовьями Енисея.

сильно вредили торговым и колонизационным интересам Строгановых. Вторжения воинов Кучума не только отрезали их от Зауралья, но и поддерживали опасное брожение среди коренного населения Пермского края. Все это вместе привело Строгановых к решению с оружием в руках расправиться с Кучумом и обезопасить дорогу за Урал.

Сибирское царство в торговом отношении занимало очень выгодное положение. Строгановы, очевидно, хотели, устрашив Кучума, взять обильный ясак (дань) и вернуться домой с богатой добычей. Военно-промышленная экспедиция Строгановых была неизбежным следствием длительного освоения русским народом областей и земель, лежащих к западу от Урала.

Русское продвижение на восток достигло Уральского хребта и, наконец, переступило за него; оно стимулировалось, с одной стороны, промышленными целями (добыча пушнины и металлов), с другой — необходимостью создать на восточных границах государства оплот против Сибирского царства Кучума.

К отряду казаков, пришедших с Ермаком на Каму, Строгановы присоединили свыше 300 человек своих воинских людей. Кроме оружия и «всякого к воинскому делу запаса», продовольствия, боеприпасов и денег, Строгановы снабдили казаков ладьями, вооруженными небольшими пушками, дали им опытных вожей (проводники) и толмачей (переводчики). Таким образом экспедиция, возглавляемая Ермаком, в сущности была промышленным предприятием, организованным Строгановыми на их средства в личных их интересах.

Достаточно подробные известия о походе Ермака в Зауралье сообщает так называемая Строгановская летопись, приписывающая инициативу похода Строгановым.

Летописи Кунгурская и Ремезовская определенно говорят об инициативе Ермака. Увлекаемый слухами о богатой добыче за «Камнем» (Уралом) и убедившись в неспособности, как тогда говорили, «иноземцев» противостоять

действию огнестрельного оружия, Ермак мог сам предложить Строгановым поход за Урал.

Но кому бы ни принадлежала тогда инициатива, 1 сентября 1581 г. небольшая флотилия после торжественных проводов двинулась на восток камским путем по р. Чусовой. С этого момента начинается громкая известность Ермака Тимофеевича.

Четыре дня плыли казаки между скалистых берегов вверх по Чусовой до устья р. Серебрянки. Затем, после двухдневного плавания по этой реке, они достигли начала Сибирского пути. Здесь казаки высадились на берег и, не зная, что еще ждет их впереди, устроили земляное укрепление с тыном, назвав его Ермаково городище. Это был обычный тогда прием закрепления за собой пройденного пути на случай вынужденного отступления. Впрочем, местность кругом была малонаселенная, а встречные туземцы ничем не проявили враждебности к пришельцам. От новоустроенной крепостцы казаки перебрались волоком на р. Жеравль и сперва ею, а потом реками Тагилом и Турой вошли в пределы Сибирского ханства, где тотчас же начались вооруженные столкновения. На месте нынешнего г. Туринска стояло тогда укрепление князька Епанчи, пытавшегося оказать сопротивление. Однако уже после второго залпа из пушек и пищалей татары дрогнули и быстро сдали свой городок. Забрав в нем некоторую добычу, казаки двинулись дальше. В числе захваченных пленных был, между прочим, Таузак, всегда живший при самом Кучуме. Его отпустили на волю с тем, чтобы он поведал своему повелителю о военном могуществе русских людей.

Рассказ Таузака о пищалях, или, как он их называл, о «луках дымящихся, извергающих смертельную молнию и гром», произвел на Кучума и его приближенных очень сильное впечатление, но не изменил решения хана оказать казакам энергичное сопротивление. Махмет-Кул, молодой и храбрый племянник Кучума, выступил навстречу Ермаку, а сам Кучум укрепился в засеке на берегах Иртыша под

горою Чувашью. Махмет-Кул с многочисленным войском преградил Ермаку путь на берегах Тобола. Произошло кровопролитное сражение, показавшее огромное преимущество вооружения русских. Татары бились храбро; к тому же, они во много раз превышали числом своего противника; и все-таки они были разбиты, так как не владели огнестрельным оружием. Они сражались, как во времена Чингис-Хана, копьями и стрелами и «громомечущие» пищали повергали их в суеверный ужас. Звук выстрела, огонь и клубы дыма обращали их в бегство. К вечеру татары отступили на Иртыш. Кучум, выйдя из засеки, расположился на горе, а Махмет-Кул занял засеку.

Казаки провели тревожную ночь, сами ожидая нападения. Раздались было голоса, не лучше ли повернуть назад, потому что скоро атаманам не с кем будет побеждать татар. Но отступать было поздно: реки уже начали покрываться льдом, а потому оставалось только одно — во что бы то ни стало итти вперед. И вот, с первыми лучами солнца казаки пошли на приступ засеки.

Татары, выдержав первый натиск, разломали в двух-трех местах засеку и сами перешли в наступление. Завязался жестокий рукопашный бой, невыгодный для русских при их малочисленности. Но среди них было очень много старых, закаленных бойцов. В бою русские дружными залпами почти в упор наносили страшный урон татарам, нестройные толпы которых представляли собою прекрасную мишень для пуль. Махмет-Кул был ранен, и татары не выдержали мощного натиска казаков; первыми побежали вассальные остяцкие князьки, за ними остальные. Кучум поскакал в свою столицу Искер (русские называли ее Сибирь) и, наскоро захватив часть своей богатой казны, бежал в Ишимские степи.

Заняв Искер, покинутый татарами, Ермак нашел в резиденции сибирских «салтанов» богатейшую добычу в виде золота, серебра, парчи, драгоценных самоцветов и мехов. Все это было поделено поровну между всеми участ-

никами экспедиции. Хуже обстояло дело с продовольствием, но уже через несколько дней в Искер явился с дарами, продовольствием и изъявлением покорности остяцкий князь Боар в сопровождении своей дружины, а за ним стали возвращаться с семьями и местные татары. Ермак, обласкав вернувшихся, обещал им защиту и справедливую управу, после чего отпустил в прежние кочевья, обложив легким ясаком. Вообще он по возможности следил за тем, чтобы его соратники, народ буйный и своевольный, не обижали мирное население.

Зиму казаки провели в Искере, занимаясь охотой, рыбной ловлей и собиранием «с бою и без бою» ясака. Махмет-Кул, оправившись от ран, не раз тревожил победителей своими внезапными нападениями. Они кончились тем, что татарский царевич был взят в плен казаками, и таким образом самый опасный противник сошел со сцены. Получив об этом известие, Кучум, покинутый своим главным мурзою, откочевал на верховья Оби в Барабинские степи.

Положение сибирского «салтана» позволило Ермаку с наступлением навигации продолжить свое продвижение по стране. Оставив в Искере часть своих людей, Ермак с остальными поплыл вниз по многоводному Иртышу, притоку Оби. Вначале плавание носило вполне мирный характер: ближайшие улусы (кочевые владения) без сопротивления признали власть русского царя. Но чем дальше к северу продвигались казаки, тем чаще приходилось им прибегать к силе оружия. Победа, предваряемая громом выстрелов и клубами порохового дыма, оставалась за русскими, но опасность быть отрезанными от своих и погибнуть в непрерывных схватках с туземцами все время висела над ними. Войдя в Обь, казаки доплыли до Белогорской волости, получившей название от кажущихся здесь белыми гористых берегов Оби. Обширные пространства по берегам этой реки были пустынны, никаких сведений о жителях этих мест не поступило, и казаки пробыли на Оби всего лишь три дня. Это было первое с юга плавание русских по одной из главных водных магистралей Сибири; до тех пор русские, проникая за Урал северными путями, ограничивались плаваниями только по низовьям Оби. Успешный поход Ермака в Мангазею установил господство русских в Западной Азии от Уральского хребта до берегов Иртыша и Оби.

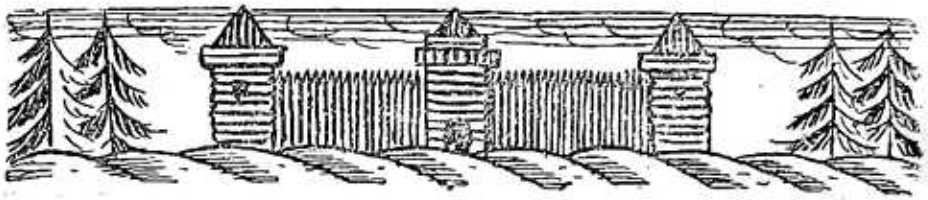
По возвращении в Искер Ермак уведомил Строгановых о всех событиях своего похода и, понимая, что казаки сами не в состоянии удержать завоеванную страну, отправил к Ивану Грозному с соболиными и бобровыми мехами атамана Ивана Кольцо. Ему поручили «бить царю челом и Сибирским царством» за прежние казачьи вины. Это было в самом конце неудачной ливонской войны, и посольство Ермака произвело в Москве очень выгодное для казаков впечатление. Современники передают, что давно в русской столице не было такой радости, как после приезда Ивана Кольца. С присоединением к московским владениям богатых обширных земель за Уралом можно было пополнить «государеву казну», опустошенную большими военными расходами. Царь отпустил казакам все их «прегрешения» и наградил их своим «государевым жалованьем» — деньгами и сукнами. Ермаку, по преданию, были сверх того особо пожалованы шуба с царского плеча, серебряная чара и панцырь (кольчуга) с золотым орлом.

Надлежало как можно скорее упрочить за Россией приобретенные земли. Вместе с Кольцом в Сибирь послали 500 стрельцов под начальством воеводы кн. Болховского и головы Глухова. Хотя это было значительное подкрепление, все же русские вскоре потерпели тяжелую неудачу. Силы их за зиму сильно убыли вследствие цынги, голода и измен местных князьков, притворявшихся союзниками, а потом внезапно уничтожавших отдельные отряды. Так погиб атаман Кольцо, правая рука Ермака, а немного спустя и он сам. Подробности гибели Ермака неясны. Известно лишь, что собравшийся с силами Кучум намеревался перехватить на пути богатый бухарский караван, шедший с юга в Искер. Ермак всего лишь с 50 казаками поспешил навстречу бухар-

цам, чтобы охранять их при плавании по Иртышу. Наступила бурная ночь; повидимому, истомленные казаки крепко уснули и ничего не слышали за шумом дождя и ветра. Воины Кучума, осведомленные об этом лазутчиками, напали на казаков, имея превосходство в силах, и перерезали всех, кроме одного, принесшего страшную весть в Искер. По сообщению Сибирской летописи, Ермак долго защищался один, потом, спасаясь, бросился в реку и утонул под тяжестью своего панцыря — царского подарка. Товарищи Ермака, узнав о гибели своего предводителя, не решились продолжать борьбу с Кучумом. Под начальством Глухова (Болховский в это время уже умер) они под натиском туземцев ушли обратно северным Печорским путем.

Память о подвигах и смерти Ермака сохранилась в многочисленных народных песнях, впоследствии записанных, и в сказаниях, передаваемых сибирскими летописями. В XIX в. в Тобольске, возникшем на месте Искера, был поставлен памятник Ермаку. Повидимому, скульптура удачно передает общий облик славного атамана, каким его изображает Ремезовская летопись. На постаменте памятника — краткая надпись: «Ермак Тимофеевич. Завоеватель Сибири. 1582».

Предварительные разведки строгановских «охочих людей», удобство речных дорог, преимущество русского вооружения, наконец, общее состояние Сибирского ханства, лишенного внутреннего единства, в значительной мере облегчили Ермаку его предприятие; но в то же время успех его, без сомнения, был обусловлен героизмом самого Ермака и его бесстрашных соратников.



ГЛАВА ПЯТАЯ

Русским людям, достигшим на востоке естественных границ своей великой равнины, «Земной пояс» (Уральский хребет) должен был казаться необычайно высокой преградой. И действительно путь через Камень был очень нелегок. Сопряженный с различными трудностями и опасностями, он шел по обширным пространствам безлюдными лесами, местами «тесными речками», по которым вследствие их мелководности можно было плыть только в «обласах» без большого груза. К тому же, на перевале через Камень, вершины которого «в облаках не видети, а коли ветрено, ино облако раздирает», русским людям грозила опасность и со стороны кочевых туземцев, подстерегавших добычу на волоку между реками Собью и Ельцом.

Вот почему и после освоения камского (южного) пути в Зауралье не забывали и морского пути. Из Холмогор или из устья р. Кулой поморы «бежали парусом» в Карскую губу, принимавшую в себя речку Мутную. С ее верховья озерами и волоком в ½ версты переходили на р. Зеленую, впадающую в Обскую губу. Отсюда, не огибая полуострова Ялмала, шли в Тазовскую губу, где была расположена Мангазея. Путь этот был тоже нелегок, на нем тоже встречались всякого рода трудности и «морем непроходимые места», но зато он давал возможность в сравнительно короткий срок

перебросить товары в Зауралье и обратно. В Карскую губу «поспевали морским ходом» в две недели, на дальнейший путь требовалось недели две-три, так что переход от Поморья до Мангазеи занимал недель пять-шесть, в то время как речной путь с Камы брал 2½ месяца.

Впрочем, морской путь в Мангазею имел вместе с тем и свою отрицательную сторону. Плавание происходило на малых кочах,[1] вмещавших груз не свыше 400 пудов. Шли под парусами, вследствие чего продолжительность пути всецело зависела от случайностей погоды: если не было попутного ветра, кочи принуждены были поворачивать назад; если на реках Мутной или Зеленой застигали ранние морозы и вода замерзала, мореходам приходилось «животишки свои и запасы метать на пусте», а самим на лыжах добираться до Березова; иногда приходилось пробиваться через льды 3—4 недели, меняя из-за этого намеченный маршрут; нередко происходили серьезные аварии, кончавшиеся гибелью людей и товаров. Ходить в Обскую губу на больших судах было почти невозможно, ибо их легче затирало льдами, а перетаскивать волоком было не так-то просто. В силу этого сношения с Мангазеей поддерживались преимущественно каботажным, т. е. береговым, способом.

Таким образом, в конечном счете, и морской и речной путь в Зауралье одинаково представлял «великие трудности», энергично преодолеваемые русскими людьми.

В течение XVII в. «чрезкаменный путь» оставался большой сибирской дорогой, по которой с каждым годом все увеличивалось движение в Зауралье и обратно. Северным Печорским путем пользовались наряду с морским для торговых и промысловых целей; южный, камский, поначалу был использован преимущественно в целях завоевательных.

Строгановы ошиблись в своих расчетах: постаравшись открыть путь на Обь для себя, они содействовали проложению его «для великого государя» и тем самым ввели Мангазею в область государственного ведения и управления.

[1] Кочи — парусногребные плоскодонные суда.

Действительно, уже с конца XVI в. освоение земель за Уралом энергично осуществляется государством. Правда, не имея сперва достаточно хорошо сорганизованного аппарата и уменья, вырабатываемого опытом, московское правительство предпочитало итти по следам тех частных предпринимателей, соперником которых оно стало. Но это отнюдь не меняло существа дела. О том, насколько энергично действовало московское правительство, отправившее вскоре после смерти Ермака новые воинские силы в Сибирь, чтобы покончить с Кучумом, наглядно свидетельствует число острожков, которые были поставлены русскими в конце XVI в. в течение всего лишь лет двадцати (1585—1604). Таковы: Назымский (Янк-ваш) и Казымский городки (1585), Тобольск (на месте Искера) и Тюмень (1587), Лозвинский городок (1590), Березов и Пелым (1593), Сургут и Тара (1594), Обдорск (1595), Нарым и Кетский городок (1596), Верхотурье (1598), Мангазея (1600), Томск (1604).

Из числа новопоставленных острожков Тара, на границе степей, до XVII в. оставалась в Сибири крайним к югу русским городом. Все течение Иртыша было завоевано только в первой четверти XVIII в. с постройкой (1715—20) крепостей Железинской, Семипалатной и Устькаменогорской.

Острожки, служившие опорными пунктами для дальнейшего продвижения по стране, сооружались непосредственно на водных путях. «Продвижение русских на восток, в глубь Сибири, шло преимущественно речными путями, позволявшими с большей легкостью преодолевать обширные пространства сибирских лесов и тундр. Благоприятным условием являлось в этом отношении обилие вод — «реки пространные и прекрасные зело» — и их равномерное распределение по поверхности северо-азиатской равнины»[1].

[1] С. В. Бахрушин. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. М., 1928, стр. 110.

События начала XVII в. (крестьянская война и польско-шведская интервенция) несколько замедлили освоение русскими Северной Азии. Оно возобновилось с новой силой с 1618 г., когда были построены Кузнецк на р. Кондоме, притоке Томы, впадающей в Обь, и Маковский городок на Енисее. С тех пор никакие внешние и внутренние события в Московском государстве не задерживали продвижения русских по Сибири вплоть до берегов Тихого океана.

Продвижение по Сибири и ее освоение в общем носили следующий характер. Обычно впереди, на свой страх и риск, шли ради «проведывания новых землиц» так называемые промышленники[1] — казаки и другие «охочие люди». Как скоро им удавалось открыть такую «землицу», воевода ближайшего административного пункта приказывал ставить в ней новый острожек и посылал туда служилых людей с боеприпасами и продовольствием под начальством пятидесятника. Сибирские острожки были типичными русскими крепостцами старого типа: земляной вал и деревянные стены, а перед ними ров составляли основные укрепления подобных острожков, внутри которых стояли различные служебные и жилые постройки. Но были и менее сложные укрепления — просто в виде плетеницы даже без рва и вала или с тыном на валу. Под защитой острожка начинал постепенно селиться люд невоенный, и возникала с течением времени торговая слободка, куда съезжались для скупки пушнины русские торговые люди; если поблизости была удобная земля, на ней оседали «пашенные мужики».

По мере увеличения русского населения, острожек переименовывался в город, в который назначали воеводу. Как самим воеводам, так и подведомственным им лицам начальствующим было наказано приглашать к себе местных князьков, ласкать их, вести с ними обмен, дарить различные подарки, но ни в коем случае не давать холодного, а тем более

[1] Промышленными людьми, или промышленниками, называли тогда людей, непосредственно занимавшихся добычей мехов, «рыбьего зуба» (моржовая кость) и пр.

огнестрельного оружия. Хорошим обхождением старались склонить князьков мирно вступить в подданство русского царя, причем для ручательства в верности ему князьки должны были оставлять аманатов (заложников) — сына, брата, вообще какого-нибудь близкого родственника. Правительство постоянно напоминало воеводам, чтобы они не творили никаких насилий над «мирными иноземцами», не брали бы с них лишних податей, не обращали их насильно в христианство. Но подобные указания плохо приводились в исполнение, и местные власти часто раздражали туземцев.

Давно уже прошли те «золотые времена», когда, по свидетельству западноевропейских авторов, жители Пермской и Печорской областей охотно платили за железный топор столько соболей, сколько русские купцы, связав вместе, могли продеть в отверстие топора, куда влагается топорище. В XVII в. первосортную пушнину приходилось добывать за Уралом, особенно в Мангазее, о которой новгородское предание рассказывало, что ее обитатели «памавают рукою, просяще железа, и аще кто дает им нож ли, ли секиру, дают скорою (т. е. мехами) противу». В Мангазее не существовало никакой объединяющей власти. Кочевые ненцы («самоядь») бродили по ее тундрам, ведя меновую торговлю с проникавшими к ним небольшими партиями русских промышленников. В 1600 г. воевода кн. Шаховской с немногочисленным отрядом отправился из Тобольска в Мангазею водным путем по Оби.

Экспедиция Шаховского — одна из наиболее крупных по тому времени — была снаряжена наспех, без знания местных природных условий; речные суда, из которых она состояла, оказались непригодны к «морскому ходу», и, пока в Верхотурье сооружалась морская флотилия, отряд Шаховского двинулся от устьев Оби через тундру на оленях, понеся по пути поражение от ненцев. Несмотря на это остатки отряда все-таки достигли р. Таз, на берегах которой был заложен Мангазейский (он же Тазовский) городок. Экспедиция следующего года под начальством воевод кн. Ма-

сальского и Пушкина, располагавших 200 служилых людей и пушками, довершила предприятие Шаховского.

Началось освоение Мангазеи, и в очень короткий срок весь край преобразился. Царь Борис Годунов (1598—1605) велел призвать в новопостроенный городок туземцев и сказать им его «государево жалованное слово», что вот прежде приходили к ним в Мангазею и на Енисей вымичи, пустозерцы и многих государевых городов торговые люди, дань с них брали «воровством» на себя, а сказывали на государя; а теперь государь велел в их земле поставить острог и от тех торговых людей их беречь.

В XVII в. для перехода с Оби на Енисей пользовались преимущественно следующим водным путем. Из Тобольска по Иртышу выходили на Обь и, следуя вверх по ее течению, входили около Нарыма в р. Кеть, в верховьях которой находился Маковский острог (1618), а за ним Маковский волок; затем переходили на Енисей, на берегах которого расположен г. Енисейск (1619). Путь от устья Иртыша до Маковского острога брал от 9 до 11 недель. Дорога была трудная, через непроходимую тайгу, болота и озера, как видно, между прочим, из описания Спафария, русского посла, ездившего в Китай в семидесятых годах XVII в. Маковский острог, охранявший волок, являлся «пристанищем великим государевым людям», по делам службы шедшим на Енисей. В полуверсте от острога образовалась большая слобода торговых людей, среди которых были представители наиболее крупных торговых семей того времени.

После похода воевод Масальского и Пушкина Мангазея быстро становится главным средоточием промышленного люда; через эту область шло почти все движение на Енисей и его притоки. В связи с этим уже в двадцатых годах XVII в. соболь в значительной мере был истреблен на этих реках и предприимчивые промышленники стремились перебраться водными путями дальше на восток. В 1610 г. торговый человек, двинянин Кондрашка Курочкин, бывший на промыслах в Мангазее, сделал очень важное открытие. Сговорившись с другими двинянами, своими товарищами, он устроил экспедицию на кочах к устью Енисея. Это было очень нелегкое плавание на утлых суденышках, на которых моряки других стран едва отважились бы итти по морю, с которого никогда лед не сходит. Плавание, особенно на море, часто проходило не без тяжелых аварий, когда приходилось груз «выметать вон». В случае кораблекрушения мореходы, едва сами спасшись на обломках судна, спешили подобрать свои товары и съестные припасы, выброшенные морем на берег, если только их не успевали растаскать кочевые туземцы. Оправившись от кораблекрушения, русские мореходы или шли дальше по суше нартами (сани) или же, сколотив из обломков лодку, с «великою нужею» бесстрашно продолжали опасное плавание.

Небольшая флотилия Курочкина, задержанная льдами, простояла в устьях Енисея пять недель. Когда полуденный ветер отнес льды, двинулись дальше, и вскоре выяснилось, что Енисей впадает в залив того же «моря-океана», которым западные мореходы ходят из своих земель к Архангельску. Известие об этом открытии достигло Тобольска только в 1616 г. и произвело сильное смятение среди местной администрации. Возникло опасение, что западноевропейские мореходы станут приходить в Мангазею «не займуя Архангельского города» и что их «воинские люди» могут учинить «поруху» сибирским городам. Вместе с тем опасались, что «государеве казне в пошлинах истеря (убыток) будет», потому что наши промышленники станут тайком «торговать с немцы и с русскими людьми»; наконец, учитывалось и то обстоятельство, что благодаря морскому пути промышленники имеют возможность избегать многочисленных внутренних таможен[1]. Все это вместе взятое привело к тому, что в том же 1616 г. последовал указ, запрещавший под страхом «великой опалы» ходить впредь в Сибирь

[1] Главные таможни (таможенные дворы, «избы», заставы): Ижемская, Обдорская, Собская, Киртасская, Верхотурская, в Жигаиске, на Молодех, на Ленском волоку, в Лямпинской волости и др.

«большим морем». Указ вызвал энергичный протест промышленных людей тех городов, «которые ходят для торгов своих и промыслов в Мангазею». В своем челобитье промышленники просили разрешить им попрежнему пользоваться морским путем, «чтоб им вперед без промыслов не быть, а... (государевой) соболиной казне в их бесторжишке и беспромыслу... убытку не было». В 1618 г. указ отменили, переложив окончательное разрешение вопроса на местную администрацию, на основании мнения которой в 1620 г. последовал «заказ крепкий», т. е. полное запрещение ходить промышленникам «старою дорогою, большим морем». Относительно нарушителей указа было объявлено, что «тем людем за их воровство и измену быть кажненными злыми смертьми, и домы их велим разорити до основания»[1].

Этот указ проводился в жизнь неукоснительно и, таким образом, великий морской путь надолго был закрыт для предприимчивости наших мореходов; в XVII в. Мангазея явилась конечным пунктом плаваний русских людей океаном от берегов Поморья на восток. Из опасения прихода западных мореходов на волоке между реками Мутной и Зеленой был поставлен острожек; сюда из Березова ежегодно посылали служилых людей, остававшихся в острожке в течение всего навигационного периода.

Итак, для дальнейшего проникновения на восток теперь оставались только речные пути. А между тем в результате хищнического истребления пушного зверя добыча его в Мангазее заметно падала с каждым годом. В связи с этим следующим моментом продвижения русских по Сибири явился переход с Енисея на Лену. Вообще этапы русского продвижения в Северной Азии определялись, по замечанию Бахрушина, «моментами перехода из бассейна одной реки в бассейн другой, с Оби на Енисей, с Енисея на Лену, далее на Амур»[2]. В 1619 г. был поставлен Енисейский острог

[1] Русская историческая библиотека, II, № 254.
[2] С. В. Бахрушин, Очерки, стр. 110.

и его служилые люди в том же году сообщили в Тобольск, со слов местного населения, о безымянной реке, до которой «от Тунгусского острогу, который-де поставили Петр и Черкас, ехать до волоку две недели, да тем-де волоком итти два дня»[1].

Начинаются экспедиции с Енисея на Верхнюю Тунгуску (Ангара) и дальше волоком на верховья Куты, притока Лены, а из Мангазеи с Нижней Тунгуски на р. Вилюй, благодаря чему русские люди уже в1620-х годах проведали два пути на великую реку Лену. С 1630 г. обследование этих путей принимает планомерный характер. В 1632 г. мангазейский воевода А. Ф. Палицын, человек образованный и начитанный, приложил к своему обстоятельному докладу о путях с Енисея на Лену чертеж этих дорог. Южный путь шел от Енисейского острога вверх по Енисею до устья Верхней Тунгуски; плавание по ней было сопряжено с большими трудностями вследствие быстрого течения и многочисленных порогов; из-за них часто приходилось выгружать и обносить на плечах весь груз, а суда «взводить» канатами, пользуясь «воротами», т. е. местами, где не было камней. Из Верхней Тунгуски входили в Илим, тоже порожистый и быстрый, а дальше—от устья Идирмы или Туры—Ленским волоком на верховья р. Муки. Эта река впадает в Купу, приток Куты, с которой плыли на Лену. Путь от Енисейска до устья Куты требовал почти 9 недель. Необходимо было обеспечить безопасность пути с Илима на Лену, ввиду чего на Ленском волоке в 1630 г. был поставлен острожек, впоследствии Илимский острог, около которого, как и на Мяковском волоке, образовалось большое промышленное становище — база дальнейших экспедиций на восток.

Северный путь с Енисея на Лену шел по реке Титеи, притоку Нижней Тунгуски; дальше долгим волоком (от двух до пяти дней) выходили на р. Чурку, впадающую в Чону, приток Вилюя, с которого выходили на Лену.

[1] Русская историческая библиотека, II, № 121.

Более важное значение имел южный путь, так как северный мог конкурировать с ним лишь до тех пор, пока Мангазея оставалась крупным центром соболиных промыслов. Северным путем на Лену пользовались, помимо торговых людей, мангазейские сборщики для сбора ясака с туземцев. До 1640 г. этот путь служил дорогой и для военных экспедиций, посылавшихся из Тобольска на Лену через Мангазею. С основанием Якутска — нового административного и промышленного центра, с которым не могла соперничать Мангазея, северная дорога почти совсем потеряла свое прежнее значение.

В 1632 г. служилый человек Бекетов, шедший по следам атамана Галкина, заложил на Лене Якутский острог, а десять лет спустя было учреждено Якутское воеводство. Таким образом уже на самой Лене создалась прочная база для дальнейшего обследования северо-восточной Азии. Лена и ее обширная система притоков открывали русским разнообразные маршруты по всей Восточной Сибири. Из Мангазеи, Енисейска, Тобольска, Томска на Лену и дальше на север и восток двинулись ватаги промышленников, искателей «новых землиц», изобилующих пушниной. К промышленникам присоединялись, а иногда на свой риск шли самостоятельно и служилые люди, тоже охваченные жаждой добычи. Встречи на Лене служилых людей разных городов зачастую носили весьма враждебный характер: из-за ясака и добычи у них между собой и с промышленниками происходили «смертные бои»[1]. Плавания и обследование новых мест производились бессистемно, небольшими партиями, иногда всего лишь в несколько человек. Но это не помешало тому, что именно в это время было осуществлено несколько плаваний, давших значительные результаты в деле ознакомления русских с Леной, ее притоками и побережьем океана. В 1633 г. Илья Перфирьев с промышленниками,

[1] Подобные столкновения явились одной из причин учреждения Якутского воеводства.

спустившись вниз по Лене, вышел в море и достиг на востоке р. Яны; в это же время Иван Ребров, прибыв на Лену из Мангазеи, продолжал плаванье «по морю на новую сторону». В 1636 г. енисейский десятник Елисей Юрьев Буза был отправлен с десятью служилыми людьми и сорока промышленниками вниз по Лене. Выйдя в море, он взял курс на запад и достиг устья р. Оленека. Перезимовав здесь, Буза весною вернулся на Лену сухопутьем, построил при устье р. Молоди две кочи и снова вышел Леною в море. Плывя морем пять дней на восток, Буза дошел до р. Яны, три недели брал с местных жителей ясак, перезимовал в этих местах, весною построил четыре кочи и, спустившись вниз по Яне, основал в ее устьях Устьянск. В 1638 г. Посник Иванов с тридцатью удальцами и лошадьми сухопутьем дошел до верховьев Яны. Тут он встретил тунгусов, называемых ламутами, которых он обложил ясаком. Отважный землепроходец Иванов весною 1639 г. перешел горы, достиг Индигирки и проник в земли юкагиров. Захватив одного из них, Иванов оставил здесь девятнадцать человек (троих специально для сбора ясака), а сам вернулся в Якутск. В своем донесении он сообщил, что земля юкагиров богата рыбою и зверями и что он видел у туземцев серебро, но, не владея их языком, не мог узнать, откуда оно. Иванов снова был послан к юкагирам, и с тех пор с них стали взимать регулярный ясак[1].

В целях ознакомления с Сибирью и получения ясака предпринимались и поощрялись правительством самые отчаянные предприятия служилых и промышленных людей; в девственной тайге, в чаще «допотопных» лесов или на просторах ледяной тундры ставились укрепленные ясачные зимовья, превращавшиеся затем в остроги с ратными людьми.

Все поиски «новых землиц» сухопутными, морскими и речными путями, предпринимаемые по распоряжению вла-

[1] Ясак — слово тюркское; основное его значение — закон, устав, уложение. Ясак как подать, установленная законом, отличалась от «поминков», т. е. добровольных приношений даров.

стей или личному почину, были необычайно опасными, рискованными предприятиями, грозившими иногда полной неудачей или мучительной смертью от холода, голода, ран при столкновениях с местным населением. «Подобные подвиги,— говорит историк прошлого столетия,— изумительны, если принять во внимание крайнюю суровость климата, перемены ветра при плавании, необходимость строить кочи, проходить сухопутьем по неизвестным странам и таскать на себе тяжести, зимовать в дикой пустыне, при морозе не менее сорока градусов, при недостатке средств и с малым числом людей, среди диких неизвестных племен»[1].

Административные власти русской Сибири во все стороны рассылали разведчиков с строгим наказом доскональнo разузнавать, какие и где существуют еще неведомые реки, откуда они вытекают и куда впадают, какая рыба и зверь водятся в них, каково управление в новооткрытых землях и как воюют местные жители. Завершив освоение Индигирки, начатое Посником Ивановым, якутские служилые люди в начале 1640-х годов перешли на небольшую речку Алазею, а с нее еще дальше в восточном направлении на р. Колыму. Повидимому, в 1643 г. Михаил Стадухин в целях закрепления русского господства над Колымой поставил на ней три укрепленных зимовья. С тех пор Колыма служила пунктом, от которого шли поиски морского пути все дальше на восток, вдоль побережья Ледовитого океана, в те места, где, по слухам, можно было найти в изобилии драгоценный «рыбий зуб» (моржовая кость), после мехов наиболее ходкий товар. В самом конце сороковых годов XVII в. на Колыме была организована с этой целью экспедиция, героем которой явился Иван Семенович Дежнев.

[1] Н. Костомаров, Сибирские землеискатели XVII века («Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей», т. II, стр. 289.)

ГЛАВА ШЕСТАЯ

С основанием Архангельска (1584) Устюг Великий не потерял своего прежнего торгового значения, напротив, оно даже возросло с конца XVI в. Около Устюга сходились дороги (с востока — с Вычегды и р. Юга), соединявшие магистраль Москва — Архангельск с Вяткой, Пермью и Уралом. Благодаря этому Устюг, расположенный на путях, связывавших столицу России с ее тогда единственным портом для заморского торга и с новою областью Сибирью, в начале XVII столетия стал даже больше Холмогор, уступая только Вологде в отношении своих размеров и торговли. Находясь на перепутьи между рынками Запада и Востока, Устюг превратился в центр, где сосредоточивался оживленный товарообмен. В Устюг массами привозили на лодках по Печоре и Вычегде зауральскую пушнину — главный предмет экспорта Московского государства. В Устюге меха перегружали на дощаники и отправляли по Двине в Архангельск к моменту прихода туда иностранных кораблей. В Архангельске пушнина продавалась и обменивалась на иноземную продукцию (материи, бакалея, вина, металлы, предметы роскоши), которую транспортировали в Устюг же. Отсюда иностранные товары вместе с местной продукцией и товарами из поволжских городов посылали за Урал для приобре-

тения там новых партий пушнины. Так образовался и с каждым годом увеличивался около Устюга оживленный торговый круговорот, в который было вовлечено крестьянское население, жившее на Северной Двине. Многие крестьяне бросали тогда свое хозяйство и, оставляя его на попечение родственников, сами уходили на промыслы за Урал. Те, кому посчастливилось в Сибири, вернувшись на родину, везли свою добычу на архангельскую ярмарку. Погоня за наживой, поездки в Зауралье, риск и опасности, сопряженные с сибирскими промыслами в тайге и тундрах, выработали в устюжанах энергию, упорство, смелость, преодолевавшие все препятствия. Немало устюжских крестьян, ушедших за Камень голышами, настолько богатели, что с течением времени превращались в так называемых «гостей» — высший разряд торговых людей Московского государства. «Из простых крестьян, — замечает Бахрушин, — вышли устюжские капиталисты, самые богатые люди во всем Московском государстве: Босые, Ревякины, Грудцыны, Федотовы, украшавшие с царской роскошью свой родной Устюг великолепными памятниками художественного зодчества, до сих пор вызывающими восхищение» [1].

В XVII в. устюжане вдоль и поперек исколесили всю Сибирь, побывали на всех ее реках и омывающих сибирские берега морях то в качестве служилых людей, то как люди торговые и промышленные. Главными деятелями русской служилой и промышленной колонизации Северной Азии вообще было население поморских городов, но устюжане по преимуществу выступали на этом поприще.

К числу устюжан, отправившихся за Урал в качестве служилых людей, принадлежал Семен Иванович Дежнев, по происхождению, вернее всего, посадский человек. Когда именно и при каких обстоятельствах покинул Дежнев Устюг и отправился в Сибирь, с точностью неизвестно. Но из его челобитий, относящихся к шестидесятым годам XVII в.,

[1] С. В Бахрушин, Казаки на Амуре, стр. 6.

можно заключить, что в самом конце двадцатых или в начале тридцатых годов XVII в. он приехал на службу в Тобольск, где пробыл недолго, а затем перешел в Енисейск служилым казаком. Сравнительно спокойная служба в Тобольске и Енисейске, повидимому, не удовлетворяла Дежнева, и в 1638 г. он в отряде сына боярского Петра Бекетова перебирается на службу в недавно основанный Якутский острог. Весьма примечательно это стремление Дежнева на восток, все дальше и дальше от насиженных спокойных мест, в «землицы» новые, неведомые, его настойчивое продвижение от древнего поморского Устюга до р. Анадыря, впадающей в Великий океан. Это стремление рисует нам Дежнева человеком подвижным, кипучим, по природе своей подлинным пролагателем новых морских путей.

Служба в Якутии, в области, тогда еще не исследованной и незамиренной, была как раз по Дежневу. Почти года не проходило, чтобы он не принял участия в какой-нибудь экспедиции. В Якутске Дежнев служил под начальством боярского сына Парфена Ходырева. Таким образом на первых же порах своей службы в Якутии Дежнев прошел хорошую школу под руководством таких энергичных деятелей, какими были Бекетов и Ходырев. Под руководством этих опытных людей молодой еще Дежнев хорошо познакомился с условиями очень нелегкой государевой службы на далекой окраине. И в дальнейшем его начальниками также были незаурядные люди, как Дмитрий Михайлов, Василий Поярков и др.

Биографию Дежнева можно восстановить по его челобитьям, «отпискам», т. е. донесениям воевод и документам Сибирского приказа. Согласно челобитной 1664 г. Дежнев в 1639 или 1640 г. уже проявил большую распорядительность и храбрость в первом же порученном ему деле. В это время местный князек Сахей убил двух якутских служилых людей (Шиврина и Зипунка), посланных к нему для сбора ясака, а сам бежал в отдаленную Оргуцкую волость. Ивана Метлаху, отправленного расследовать это дело, постигла та

же участь: он был убит сыном Сахея. Тогда Ходырев, начальник острога, послал в Оргуцкую волость Дежнева в должности приказного, иначе говоря, «начального человека», под команду которого давался отряд вооруженных людей. Повидимому, Дежнев действовал больше путем переговоров, чем силою оружия. Сообщая о блестящих результатах своей миссии, Дежнев кратко писал: «и я с того князца Сахея и с его детей и с его родников и с иных оргуцких якутов взял с них твоего государеву ясаку 3 сорока 20 соболей».

Письменный голова (особый чиновник при воеводе) Василий Поярков, преемник Ходырева по управлению Якутским острогом, обратил внимание на деятельность Дежнева и осенью 1641 г. назначил его товарищем Дмитрия Михайлова, отправленного на р. Яну для ясачного сбора. Отряд, двинувшийся зимним путем на лошадях, состоял всего лишь из пятнадцати человек. Дежневу пришлось на свой счет купить двух лошадей и обзавестись одеждой, обувью и «всяким служебным заводом»; весь этот «подъем» обошелся Дежневу свыше ста рублей, расход немалый для того времени. С этого момента начинается знакомство Дежнева с реками, впадающими в Ледовитый океан. Экспедиция Михайлова прошла очень удачно. В короткий срок был собран богатейший ясак, с которым Михайлов отправил Дежнева с тремя товарищами в Якутск. По дороге на эту маленькую партию напали более сорока человек «разбойных ламуцких тунгусов». Несмотря на такое неравенство сил, русским, благодаря хладнокровию Дежнева и пищалям, удалось отбить нападение. Дежнев, тогда дважды раненный в ногу, отстоял «соболиную казну» и благополучно доставил ее в Якутск, в управление которым вступил в те дни его первый по времени воевода, стольник Петр Петрович Головин.

Оценив должным образом подвиг Дежнева, Головин в 1642 г. отправил Дежнева на р. Оемокон, приток Колымы, в должности товарища Михаила Стадухина. На этот раз «подъем» обошелся каждому участнику экспедиции в 150 р.

Небольшой отряд Стадухина (14 человек) успешно собрал ясак с замиренного уже населения, но «неясачные ламуцкие тунгусы», собравшись во много раз превосходящем числе, произвели внезапное нападение на русский лагерь, перестреляли большую часть лошадей и «учинили бой». Положение русских казалось безвыходным; они несомненно были бы подавлены численностью напавших, но объясаченные якуты и тунгусы неожиданно пришли на помощь отряду Стадухина. Это обстоятельство свидетельствует об административных способностях не столько Стадухина, человека грубого и крутого до жестокости, сколько Дежнева, ибо он всегда отличался умелым обхождением с туземцами Сибири. Противник был отбит с большим уроном, причем Дежнев получил две раны. Собранную соболиную казну Стадухин отправил на уцелевших лошадях в Якутск, вследствие чего отряд остался без лошадей. В таких трудных обстоятельствах русских выручил ясачный тунгусский князек Чона, по совету и при содействии которого был сооружен кочь «для прииску новых неясачных людей» на новых реках. Построив кочь, землепроходцы р. Оемоконом и волоком спустились на р. Индигирку, а оттуда вышли в море. Так началось знакомство Дежнева с Ледовитым океаном. Потом произошла встреча Михайлова со Стадухиным еще дальше к востоку, на р. Колыме, где был сооружен острожек. Отсюда предпринимались новые экспедиции в северо-восточном направлении. При столкновении с туземцами Дежнев был ранен «железницею» (железная стрела) в руку.

После трехлетней службы на Колыме Михайлов и Стадухин с собранным ясаком и половиною служилых людей ушли водными дорогами в Якутск, а Дежнев с 13 товарищами остался в острожке. Учитывая малочисленность дежневского отряда, 500 юкагиров осадили острожек, но после того, как был убит их предводитель князек Аллай, ушли. При защите острожка Дежнев снова был ранен в «съемном бою» (рукопашный бой) в голову.

Михайлов скоро вернулся на Колыму. По дороге он встретил Петра Новоселова, ехавшего в Колымский острожек таможенным целовальником для сбора податей и пошлин.

1647 г. — памятный год в биографии Дежнева, потому что с него начались плавания Дежнева по Северному Ледовитому и Великому, или Тихому, океанам.

Помимо «мягкой рухляди», т. е. пушнины, большую роль в русской торговле того времени играл «рыбий зуб» (суррогат слоновой кости). От местного населения русские, жившие на Колыме, узнали, что на востоке от этой реки существует р. Анадырь, богатая «рыбьим зубом». Относительно ее местоположения имелись некоторые подробности, согласно которым «новая захребетная река Анадырь подошла к вершине Анюя реки (приток Колымы) близко». В связи с этим Исай Игнатьев в компании с другими промышленниками и служилыми людьми предпринял в 1646 г. первое плавание к востоку от устья Колымы. Экспедиция Игнатьева, доходившая до Чаунской губы, увенчалась успехом: смелые мореплаватели вернулись с богатой добычей в виде «рыбьего зуба», приобретенного по очень сходной цене у прибрежных чукчей. Удача Игнатьева вдохновила других колымских промышленников, и к лету 1647 г. составилось второе, более крупное товарищество для снаряжения новой экспедиции за моржевою костью и для отыскания р. Анадырь. Во главе товарищества стоял холмогорец Федот Алексеев, приказчик крупного устюжского купца Алексея Усова. Правительственный приказчик Колымского острога, боярский сын Василий Власьев, прикомандировал к экспедиции Дежнева в целях надзора за интересами казны: согласно «наказной памяти» Дежнев должен был собирать в казну «десятую» и другие пошлины с добычи промышленников, объясачить попутных «иноземцев» и пр. Экспедиция Алексеева, вышедшая в море в июне 1647 г. на четырех кочах, скоро вернулась обратно, так как в то лето дорога к востоку оказалась совершенно закрытой сплошными массами льда.

Неудача Алексеева, разумеется, не могла остановить дальнейшие плавания. Зимой 1647/48 г. по инициативе того же Алексеева, поддержанного Дежневым, возникло еще более крупное товарищество из промышленных и служилых людей. К лету было изготовлено семь кочей, с экипажем около тридцати человек на каждом. Челобитье Дежнева, как увидим ниже, указывает несколько меньшее число судов и экипажа. Главой новой экспедиции, несомненно, был Дежнев, так как он был отпущен с промышленниками для того, чтобы «великому государю мочно было в ясачном зборе прибыль учинить»; в качестве «приказного человека», т. е. официального представителя правительственной власти, Дежнев ни в коем случае не мог играть второй роли в экспедиции промышленников. 20 июня 1648 г. алексеевские кочи вышли в море, в то лето свободное от льдов. Где-то, во всяком случае не доходя «Большого Каменного носа», т. е. Чукотского мыса, при входе в Берингов пролив четыре коча отделились от небольшой флотилии Дежнева. Какова была их дальнейшая судьба — неизвестно. Возможно, что их занесло к американским берегам. Много спустя, в семидесятых годах XVIII в., старшина одного из Гвоздевских островов рассказывал, что на р. Хеуверене (С. Америка) живут какие-то неизвестные люди, похожие своим обличьем, платьем, языком и обычаями на русских. Может быть, это были потомки дежневских спутников.

Остальные три коча, на которых находились Дежнев, Алексеев и Анкудинов, продолжая благополучно путь к востоку, обогнули Чукотский полуостров и в сентябре прошли пролив, отделяющий Азию от Америки. Подробности этого плавания узнаем из челобитий и «отписок» Дежнева. Его описание «Большого Каменного носа» достаточно обстоятельно и верно для человека, лишенного географических знаний. Дежнев прежде всего отмечает, что

«Большой Камень» — это не «Святой Нос», лежащий около «реки Чухочы», до которой в 1646 г. доходил Игнатьев. Далее, говоря о величине «Большого Камня», Дежнев указывает, что этот мыс «вышел в море гораздо далеко», и очень точно указывает его направление: «а лежит тот нос промеж сивер и полунощник», т. е. между севером и востоком, и притом так, что «поворотит (заворачивает) кругом к Онандыре реке подлегло» (не круто). Не забыл Дежнев отметить и расстояние от обойденного им мыса до ближайшего, позднее известного ему, Дежневу, географического пункта — р. Анадырь: Дежнев говорит, что «доброго побегу» от носа до этой реки морем (а также и по берегу) будет «трои суток, а боле нет». Но он еще точнее определяет положение «Большого Камня», указывая на его особый береговой признак, именно: с западной стороны носа, сообщает мореплаватель, «вышла речка», впадающая здесь в море, а на речке расположено «становье чухчей» с укреплением, сооруженным в виде «башни из кости китовой». До некоторой степени Дежнев описывает и население «Большого Каменного носа». Здесь, говорит Дежнев, «живут люди чухчи, добре много», а на островах, лежащих против носа, особые люди, которых «называют зубатыми, потому что пронимают они сквозь губу по два зуба немалых костяных». С этими «зубатыми людьми» (эскимосы) Дежнев и его спутники повстречались около самого мыса. Что касается островов, то, очевидно, Дежнев имел в виду или о. Св. Лаврентия (издали благодаря горам он действительно производит впечатление нескольких островов) или же лежащие в Беринговом проливе у азиатских берегов Аракамчечен и Иттыгран.

Соединяя известия Дежнева о «Большом Каменном носу», не приходится сомневаться в том, что это действительно Чукотский мыс и что, таким образом, якутский казак почти за сто лет до Беринга прошел пролив между Азией и Америкой. Г. Ф. Миллер, в XVIII в. опубликовавший первые известия о Дежневе, полагал, правда,

больше по догадке, что Дежнев действительно обогнул северо-восточную оконечность Азии. Позднее другие историки, не разделяя мнения Миллера, считали, что «Большой Каменный нос», так подробно описанный Дежневым, не более как мыс Чаунский или мыс Шелагский и что Дежнев, следовательно, даже и не дошел до Берингова пролива. Однако после открытия в конце XIX в. Оглоблиным челобитной Дежнева, относящейся к 1662 г. и неизвестной прежним историкам, все сомнения и возражения по этому поводу отпадают. В этом челобитье на царское имя Дежнев, говоря о том, что он был отпущен с реки Ковымы (Колыма тож) с торговыми и промышленными людьми на р. Анадырь для «твоего государева ясачного сбору и для прииску новых неясачных людей, и для твоих государевых всяких дел», так описывает свое трудное плавание: «И я, холоп твой, с ними торговыми и с промышленными людьми шли морем, на шти (шесть) кочах, девяносто человек; и прошед Анадырское устье, судом божиим те наши все кочи море разбило... А я, холоп твой... остался всего с двадцатью четырьми человеки, и тех товарищей моих зимним путем на лыжах, с нарты,—со стыди (стужа) и з голоду и со всякой нужей, не дошед Анандыря реки, дорогою идучи 12 человек безвестно не стало. А я, холоп твой, на Анадырь реку доволокся всего двенадцатью человеки»[1].

Сущность этого краткого, но очень ценного сообщения заключается в том, что суда Дежнева шли от устья Колымы морем и, «прошед Анандырское устье», потерпели крушение. Даже при самом беглом взгляде на карту северо-восточных берегов Азии ясно, что, идя морем с р. Колымы, можно попасть на р. Анадырь (предварительно миновав ее устье) только одним путем — через Берингов пролив. Около Чукотского мыса кочь Герасима Анкудинова потерпел крушение, и Анкудинову и его спутникам пришлось

[1] Н. Оглоблин, Семен Дежнев, стр. 57. В этой работе автор поместил в виде приложения четыре челобитья Дежнева, относящиеся к шестидесятым годам XVII века.

перейти на судно Алексеева. Совместное плавание по Великому океану продолжалось недолго. В конце сентября начались сильные штормы, разлучившие Дежнева с кочем Алексеева. Больше они не встречались. Позднее, на суше, во время похода на коряков Дежнев отбил у них «якутскую бабу Федота Алексеева», очевидно, бывшую на судне последнего. Эта женщина, по словам Дежнева, сообщила ему, что Алексеев и Анкудинов умерли от цынги, большая часть их спутников была убита на берегу в схватке с туземцами, остальные бежали в лодках неведомо куда, сама же она попала в плен. Имеются данные, что бежавшие на лодках доплыли до р. Камчатки, где они некоторое время и жили. Память об этих русских первонасельниках Камчатки была жива на полуострове еще во время Владимира Атласова, о котором речь будет дальше.

Потеряв из виду кочь Алексеева, Дежнев оказался в крайне тяжелом положении. Бури продолжались, утлое судно Дежнева, пострадавшее от длинных переходов без какого-либо ремонта, отказывалось служить; его, по выражению Дежнева, носило по морю «всюду неволею» и, наконец, «выбросило на берег в передний конец, за Анадырь реку». Трудно установить теперь, где именно это произошло. Миллер указывал на местность около Олюторского мыса в Беринговом море. Исследователь прошлого века Пыпин полагал, что Дежнев, обогнув Чукотский мыс, «выплыл в Охотское море»[1]. Это еще раз говорит за то, что Дежнев не только открыл так называемый Берингов пролив, но первым из русских мореходов обошел весь огромный Камчатский полуостров. Сам Дежнев определяет расстояние от места своего кораблекрушения до низовьев р. Анадыря счетом «ровно десять недель». Но это указание, учитывая условия, при которых Дежнев и его спутники прошли путь до Анадыря, не дает все-таки возможности сколько-нибудь точно определить место кораблекрушения и высадки на сушу. Во всяком случае произошло это очень далеко к югу от Анадыря, возможно на берегах Пенжинского моря (северная часть Охотского моря), а потому мнение Пыпина вполне допустимо.

[1] А. Пыпин, Сибирь и исследования ее, стр. 694.

Чрезвычайно трудно и опасно было положение Дежнева и его товарищей во время плавания; с высадкой на берег оно нисколько не улучшилось. Два с половиной месяца «холодны и голы, наги и босы» шли потерпевшие крушение к северу по совершенно неизвестной им местности без проводников, при начавшихся уже полярных холодах. Туземцев по дороге они не встретили, лесов с дичью — тоже; не имея никаких рыболовных снастей, они не могли добывать рыбу. Как они вообще добывали себе продовольствие и чем питались — неизвестно. Добредя, наконец, до Анадыря, «внизу близко моря», и устроив стан, «с голоду мы, бедные, врозь разбрелись», сообщал позднее в своей челобитной Дежнев. Двенадцать человек в поисках продовольствия и людей отправились вверх по реке. В течение двадцати дней они не встретили не только людей, но даже и признаков человеческого жилья. Назад вернулось трое, остальные, изнемогая от голода и холода, «обночевались, почали в снегу ямы копать». Дежнев немедленно отправил им на помощь несколько человек, послав с ними замерзавшим «последнее свое постеленко и одеялишко». Но отставших не удалось найти: очевидно, все они, выйдя из ям, заблудились и замерзли. Вскоре погибло еще четыре участника экспедиции, и, таким образом, отряд Дежнева уменьшился до двенадцати человек.

С «великою нужею» перезимовав на низовьях Анадыря, Дежнев летом 1649 г. на лодке, сооруженной из выброшенного морем леса, поплыл с уцелевшими товарищами вверх по реке и благополучно достиг зимовьев «анаульских людей», которые до тех пор никогда не встречались с русскими. Произошло столкновение, причем сам Дежнев был ранен «смертной раной», но остался жив. Замирив анаульцев и объясачив их, Дежнев поставил на среднем те-

чении Анадыря свое «зимовье», впоследствии Анадырский острог, тогда крайнее русское владение на востоке азиатского материка. Устроившись на новых местах, Дежнев стал помышлять, если и не о возвращении на Колыму, то по крайней мере о том, чтобы подать туда о себе весть с целью получить помощь людьми и военными припасами. И того и другого у него было слишком мало на случай возможных нападений. Весь 1649 г. Дежнев и его спутники провели одни на Анадыре. Только в апреле 1650 г. они были обрадованы неожиданным прибытием русского отряда под начальством служилого человека Семена Моторы, добравшегося сухим путем, через р. Анюй и горы[1], до дежневского зимовья. Вскоре во главе с Михаилом Стадухиным прибыл второй отряд. Стадухин попытался было итти морем по следам Дежнева, но неудачно и в 1650 г. избрал более легкую сухопутную дорогу. Несколько позднее на Анадыре появилась третья партия — Юрия Селиверстова. Теперь на Анадыре русские располагали достаточными силами. Началось постепенное освоение «новой землицы».

С Моторою Дежнев вполне поладил и даже несколько подчинился ему в виду того, что Мотора действовал по «наказной памяти» властей Колымского острога. После смерти Моторы, погибшего в 1652 г. при столкновении с анаульцами, вся власть над соединенными отрядами перешла в руки Дежнева, между прочим, по челобитью самих служилых и промышленных людей. Иначе обстояло дело в отношении Стадухина. С ним не только у Дежнева, но и у Моторы временами были открытые столкновения из-за власти над русскими и ясачными людьми, из-за соперничества по промыслам, сбору ясака и т. д. Стадухин был настолько неуживчив и корыстолюбив, что в 1651 г. Мотора и Дежнев со своими людьми отделились от него и совсем было ушли на р. Пенжину, впадающую в Охотское море. Соперничество между отрядами разгорелось в особенности после того, как Дежнев в 1652 г. открыл в

[1] Северная часть Станового хребта.

устьях р. Анадыря коргу (каменистая отмель), где весной собирались стада моржей, терявшие здесь свой «рыбий зуб». Сверх этого, Дежнев открыл обширные старые залежи «заморного зуба»; повидимому, это были скелеты давно вымерших мамонтов; цена за 2½ фунта «рыбьего зуба» доходила тогда до 50 рублей и более, считая на золото. Затем Дежнев стал и «зверя промышлять» ради пушнины. В эти заманчивые места устремились и другие отряды, причем каждый, приписывая себе честь открытия корги, претендовал на право исключительной разработки богатейшей добычи. Стадухин и Селиверстов послали даже в Якутск тайное донесение, будто они открыли коргу и залежи «заморного зуба». В связи с этим Дежнев позднее в целях опровержения подобных притязаний дал в своем челобитье описание своего плавания, окончившегося открытием Анадыря.

Положение Дежнева как начальника было очень нелегкое: ему приходилось все время быть настороже в отношении местного воинственного населения и одновременно управлять русским отрядом. Дежнев, обладавший не только выдающейся энергией, но и уменьем обращаться с людьми, успешно справился со своей трудной задачей: его авторитет начальника признавали в достаточной мере, причем он пользовался и популярностью, о чем свидетельствует вышеупомянутое челобитье служилых и промышленных людей. В 1653 г. Дежнев, думая отправить морем собранные им «рыбий зуб» и «мягкую рухлядь», построил судно, но потом «без доброй снасти судовой и без доброго паруса и якоря» не решился. «Государева казна» была отправлена в Якутск сухопутьем.

В 1656 г. стрелецкий и казачий сотник Амос Михайлов, первый правительственный «прикащик», посланный с 30 служилыми людьми на Анадырь, должен был «расписатца» с Дежневым, Никитою Семеновым (товарищем Дежнева по анадырской службе) и Селиверстовым, иначе говоря, принять от них зимовья, служилых людей, ама-

натов (заложники), государеву казну, различные документы, воинские и другие запасы. Однако официальная служба Дежнева в «новой землице» кончилась только три года спустя, когда в 1659 г. Дежнев сдал Анадырский острожек и аманатов боярскому сыну Курбату Иванову, известному якутскому деятелю того времени. После этого Дежнев прожил на Анадыре еще два года, занимаясь уже от себя промыслом моржовой кости и пушнины.

В 1662 г. Дежнев сухопутьем отправился в Якутск, где ему предстояло дать отчет главным образом касательно добычи и ясака и сдать в казну то и другое, а потом получить за много лет государево жалованье. Повидимому, власти подозревали Дежнева в утайке некоторой части добычи, но отчет и сдача казенного имущества прошли для Дежнева вполне благополучно. Это видно из того, что несколько позднее ему же было поручено отвезти в Москву все доставленное в Якутск как им самим, так и другими лицами. Но с получением жалованья вышла большая задержка. Из челобитий Дежнева явствует, что он, числясь на государевой службе с 1643 г., получал следующий годовой оклад: «денег 5 рублей, хлеба 5 чети с осминою ржи, 4 чети овса, 2 пуда без чети соли». Оклад был невелик, но и его Дежнев фактически не получал в течение девятнадцати лет, потому что все это время находился на «дальних службах» и жил «своими деньгами», в результате чего «обнищал и обдолжал великими неокупными долги». Якутский воевода И. В. Голенищев-Кутузов выдал Дежневу сполна за указанные годы только соляной оклад, в остальном же отказал — «для денежной и хлебной скудости» Якутского острога. Равным образом, он не мог уплатить Дежневу за 31 пуд 39 гривенок «костяной казны», добытой Дежневым на свои собственные средства.

Повидимому, в начале 1664 г. Дежнев доставил «государеву казну» в Москву. Здесь он подал ряд челобитий по своему ведомству в Сибирский приказ, прося о разных наградах и милостях, по его выражению, «за мое служ-

бишко к тебе великому государю, и за подъемы (сборы на службу на свои средства), и за аманацкое иманье (взятие заложников), и за раны, и за кровь, и за морские разбои (кораблекрушения), и за всякое нужное терпение». Челобитья Дежнева были удовлетворены: он получил следуемое ему жалованье ⅓ деньгами и ⅔ сукнами; за его личную добычу ему уплатили 500 рублей соболями. Особо просил Дежнев за свою 20-летнюю службу — «за ту мою службу, и за кровь, и за раны, и за ясачную прибыль» — поверстать (назначить) его в сотники по Якутскому острогу и, сверх этого, разрешить ему ежегодно покупать «про свой обиход» в Якутске по 300 пудов хлебных запасов. Это челобитье Дежнева также было удовлетворено. Но в виду того, что в Якутске все «сотничьи оклады» были уже заняты, Дежневу предоставили свободный «оклад» якутского атамана, о чем в начале 1665 г. была послана грамота якутскому воеводе.

Дежнев получил также разрешение взять с собою в Якутск на службу своего племянника Ивана Иванова, проживавшего в Устюге. Сибирский приказ выдал им совместную «проезжую грамоту» от Москвы через Устюг до Якутска. Эта грамота свидетельствует, между прочим, об особом доверии правительства к Дежневу, именно: ему было поручено доставить в Якутск из Москвы очередную «государеву денежную казну» на жалованье служилым людям.

В начале 1665 г., пользуясь последним зимним путем, Дежнев покинул Москву. Сибирский приказ распорядился о даче ему «подвод с саньми и с проводники, а летом водою лодку и кормщика и гребцов против подвод, по указу».

О времени возвращения Дежнева в Якутск и о службе его здесь в качестве якутского «казачьего атамана» сведений не имеется. Известно лишь о второй его поездке в Москву в 1670—71 гг. с «соболиною казной», что свидетельствует о том доверии, каким продолжал пользоваться Дежнев со стороны правительства. 29 декабря 1671 г.

оценщики Сибирского приказа, «гость Остафий Филатьев с товарищи», составили «приемную роспись» пушнине, привезенной Дежневым. После этой даты никаких известий как о пребывании Дежнева в Москве, так и о его возвращении в Сибирь и дальнейшей службе там в опубликованных пока архивных материалах не имеется.

Самоотверженная деятельность Дежнева в общем была вознаграждена по заслугам. Но основное значение его замечательного плавания — открытие пролива между двумя материками — прошло тогда незамеченным. Объясняется это, с одной стороны, общим уровнем географических познаний того времени, с другой — тем обстоятельством, что главное внимание как сибирской, так и центральной администрации было обращено не на плавание Дежнева, а на его конечные результаты, т. е. на открытие им новой землицы и «моржевой корги» — источника богатой «прибыли» для казны. Раз эта цель была достигнута, путь, пройденный Дежневым (тоже не подозревавшим о своем великом открытии), никого не интересовал, тем паче, что вслед за этим на Анадырь была проложена более короткая и удобная речная дорога. Она шла вверх по р. Анюю, притоку Колымы, до горного хребта, перейдя который, спускалась на Анадырь. Сам Дежнев, как человек практический, не решился предложить кому-либо повторить свое опасное плавание, на которое он, очевидно, смотрел лишь как на счастливую случайность. В результате всего этого в XVIII в. Берингу пришлось во второй раз открывать пролив. Значение плавания Дежнева стало понятно лишь в XVIII в. после открытий, сделанных Миллером в якутских архивах. Спорить о том, что Дежнев действительно открыл пролив, ныне именуемый Беринговым, не приходится; разногласия могут касаться лишь места высадки Дежнева после кораблекрушения, но это является уже только несущественной подробностью.

По поводу сомнений относительно подвига, совершенного якутским казаком, Зеленин почти полвека тому назад

справедливо писал следующее: «Если, несмотря на эти достаточно точные указания на начальный и конечный пункты знаменитого плавания, многие авторы все-таки не решались признать факта прохождения Дежневым пролива, то это произошло, главным образом, потому, что такой подвиг кажется невероятным по своему величию, и поэтому скептики, воспользовавшись общею неясностью и неопределенностью рассказа Дежнева, пытались как-нибудь иначе объяснить его, без допущения прохода пролива. Действительно, позднейшие полярные экспедиции в этих водах.... а также и в других частях Северного Ледовитого океана... с достаточностью показали, какие непреодолимые трудности доставляют мореплавателям льды полярных морей. Если теперь (т. е. в 1898 г. — В. С.), при всех успехах техники кораблестроения, очень часто оказывается невозможным двигаться среди плавающих ледяных гор и полей, то что же сказать про жалкие суденышки — кочи, бывшие в распоряжении Дежнева и его спутников? Положительно, приходится удивляться безграничной отваге и выносливости доморощенных русских моряков, впервые прокладывавших свой путь среди льдов океана, омывающего северные берега Сибири»[1].

Указав затем на крайне суровые климатические условия тех мест, на трудности в отношении добывания продовольствия, на опасность нападения со стороны местного населения, автор продолжает: «Дежнев не представляет собою какую-либо исключительность: все его товарищи по плаванью, а также и множество других казаков, позднее пришедших на Анадырь, испытывали то же самое... Подобных ему удальцов известно очень много, а еще больше, вероятно, осталось неизвестными, о которых не сохранилось никаких следов ни в народной памяти, ни в архивах[2].

К этому необходимо добавить, что отчеты в печати о

[1] А. Зеленин, Якутский казак Семен Дежнев, стр. 2184.
[2] Там же.

плаваниях в XVI—XVII вв. английских и голландских моряков, до сих пор официально считающихся первыми исследователями полярных морей, стали появляться еще в XVI в.; о плаваниях же старорусских мореходов краткие и не получившие широкого распространения сообщения появляются только в XVIII столетии, когда и стал известен подвиг Дежнева. А как велик был этот подвиг, явствует хотя бы из того, что только почти 2½ века спустя шведский мореплаватель Норденшельд на специально сооруженном и оснащенном по последнему слову инженерно-морской техники судне «Вега» с большими остановками обогнул по следам Дежнева и его спутников Чукотский полуостров. Плавание Норденшельда, имевшее место в 1878/79 г., было лишь экспедицией, часть средств на которую шведский мореплаватель получил от русского золотопромышленника А. М. Сибирякова. Подлинное же освоение великого северо-восточного пути и планомерное изучение Арктики, проводимое нашими героическими моряками-полярниками и летчиками, относятся уже к советскому времени.

В 1898 г., в 250-летнюю годовщину плавания Дежнева, самый крайний северо-восточный мыс азиатского материка получил официальное название «Мыс Дежнева».

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Из четырех главных рек Северной Азии — Обь, Енисей, Лена, Амур — первые три впадают в Ледовитый океан, четвертая — в воды Великого океана. Такое направление этих рек обусловило и направление продвижения русских по Сибири с первого же момента их проникновения в Зауралье. Открытие и освоение «новых землиц» Сибири в основном происходило, как упоминалось выше, по водным путям, в соответствии с чем долгое время экспедиции предпринимались, главным образом, в северном направлении. Так дело обстояло до конца тридцатых годов XVII в., когда из Якутска началось объясачение земель по верхнему течению Лены, где русские встретили сопротивление воинственных «братских людей» (буряты) — сопротивление, длившееся не один год. Несмотря на это, якутский пятидесятник Курбат Иванов с верховьев Лены все-таки проник на берега озера Байкала — «Святого моря» бурятского народа. Вслед за этим енисейский атаман Василий Колесников обошел в 1646 г. северо-западный берег Байкала и построил острожек на Верхней Ангаре, а в следующем году боярский сын Иван Похабов перебрался по льду на южный берег «Святого моря». В 1648 г. неутомимый исследователь и завоеватель, служилый человек Иван Галкин, обогнул

Байкал с севера и построил острожек на устьях Баргузина, впадающего в Байкал.

К востоку от Байкала, в недалеком от него расстоянии, берут свое начало притоки Амура, благодаря чему до русских вскоре стали доходить с разных сторон слухи об этой великой реке и ее богатствах. Еще в 1638 г. казак Максим Перфирьев, посланный на р. Витим, правый приток Лены, узнал там от тунгусов про р. Силькар, на берегах которой жили дауры, как называли русские дахурский народ. По словам тунгусов, дауры имели «бой (оружие) лучный и огненный»; в обмен на соболиные меха они давали тунгусам скот, хлеб, серебро, а полученную пушнину обменивали с какими-то другими людьми на шелковые материи. Эти известия подтвердил Дмитрий Копылов, предпринявший путешествие в 1639 г. по Алдану, притоку Лены. Отделив от своего отряда 31 человека, Копылов отправил их под командой Ивана Москвитина дальше на северо-восток. Москвитин, поднявшись вверх по р. Мае, перешел через горы и по р. Улье достиг Охотского моря, названного им Тунгусским по обитавшим там тунгусам. Собирая у них сведения о народах дальше лежащих стран, Москвитин узнал об Амурском крае, пограничном с богатым Китайским царством. От этого же времени сохранился рассказ промышленника Сеньки Аверкиева, охотившегося в устьях р. Аргуни, притока Шилки, впадающей в Амур. Захваченный в плен даурами, Аверкиев был приведен к местным князькам Лавкаю и Шилгинею. Учинив Аверкиеву подробный допрос, князьки отпустили его без вреда, отобрав, впрочем, имевшийся у него товар (бисер и железные стрелы), взамен которого дали ему соболиные меха.

Рассказы тунгусов, Перфирьева и Аверкиева о богатстве владений Лавкая, об изобилии в них соболей, плодородной почве, о том, будто неподалеку от улуса Лавкая в горе имеется серебряная руда, разжигали аппетиты промышленников, «охочих людей» и казаков. «Землица» князя Лавкая становится с тех пор заветною целью, на которой сосредоточились все помыслы искателей добычи.

Такая обстановка привела к тому, что в 1643 г. якутский воевода П. П. Головин снарядил экспедицию на Амур, состоявшую из ста двенадцати служилых людей, пятнадцати промышленников, двух толмачей, двух кузнецов и двух целовальников[1]. Начальствовал над ними письменный голова В. Поярков, который должен был проведать, действительно ли в Амурской земле есть серебряная, медная и свинцовая руда, а попутно привести под «высокую государеву руку новых людей». Отряд Пояркова, снабженный небольшой железной пушкой с запасом пороха и свинца, поплыл по Лене, а дальше по Алдану, Учуру и Гонаму. Путь был трудный, особенно по горному Гонаму, на порогах которого один дощаник разбился, а бывший на нем свинец затонул. Зима застала отряд в дороге; итти дальше нельзя было и пришлось, вырыв землянки, устроить зимовье. Сам Поярков пробыл в зимовье только две недели. Взяв с собою 90 человек и наказав остальным присоединиться к нему весною с казной и припасами, Поярков перешел Камень (Яблоновый или Становой хребет). По ту сторону гор на р. Брянде, притоке Зеи, впадающей в Амур, Поярков за зиму построил суда, а весною, спустившись по Зее, достиг Даурской земли. «Пашенные люди» — дауры не были похожи на других жителей Сибири. Дауры жили в деревянных домах с окнами, затянутыми, вместо стекла, прозрачной бумагой своего изделия. Живя оседло, дауры занимались земледелием. Их селения были окружены полями с посевами ячменя, риса, проса, гороха, гречи; в огородах выращивались бобы, чеснок, мак, дыни, арбузы, огурцы; в садах — яблоки, груши, грецкие орехи; из конопли дауры давили масло. Дауры

[1] Целовальник — в Московской Руси должностное лицо при таможенных, питейных и других сборах, приносившее присягу целованием креста честно соблюдать интересы казны.

занимались также скотоводством. Они имели лошадей, коров, свиней и овец. Для обработки земли дауры использовали волов.

Подсобным занятием для дауров являлась охота на пушного зверя; в окрестных лесах было так много соболей, рысей, чернобурых и красных лисиц, что всего лишь один день охоты приносил богатую добычу в виде десятка и больше соболей. Естественно, после суровой природы севера «Приамурье показалось русским каким-то земным эдемом, в котором налицо было все, чего только можно было пожелать, начиная с винограда, который рос в диком состоянии, и кончая корабельным лесом» [1].

В целях объясачения дауров Поярков взял в заложники даурского князька Доптыула. Из его рассказов выяснилось, что металлы доставляются в Даурию из Китая, а что в ней самой «серебро не родится», виденные же русскими у дауров предметы из серебра все были китайского происхождения. Аманат (заложник) рассказывал также и про роскошь и богатство китайского губернатора, управлявшего пограничной с Даурией провинцией, про его город, окруженный мощными деревянными стенами, про войска, снабженные, помимо луков, огнестрельным оружием и даже пушками. От Доптыула русские узнали, что у самих дауров имеются укрепленные города с сильными гарнизонами.

Поярков не смог привести дауров «под высокую государеву руку». Произошло несколько горячих схваток для русских неудачных. Доптыулу, несмотря на строгий присмотр, удалось все-таки бежать. Дауры нападали на русский острожек, гарнизон которого страшно страдал от голода. К тому же, почти половина людей Пояркова была серьезно ранена, и когда с Гонама прибыли, наконец, суда с продовольствием, 40 человек уже умерли от истощения и ран.

[1] С. В. Бахрушин, Казаки на Амуре, стр. 10.

С оставшимися и вновь пришедшими людьми Пояркова отправился вниз по Зее, берега которой были густо заселены даурами. В устьях Зеи обитали джючеры, родственные даурам и своим бытом ничем не отличавшиеся от них. Джючеры не позволили русским высаживаться на берег. Поярков послал 25 человек разведчиков; джючеры перебили их, вернулось только двое. С Зеи выплыли на широкую реку, принятую сперва за Шилку, на самом деле это был уже Амур. После четырехдневного плавания по Амуру, в этих местах населенному пашенными джючерами, достигли страны ачанов или натков, по образу жизни не имевших ничего общего ни с даурами, ни с джючерами. У ачанов не было пашен и огородов; скотоводства тоже не существовало; вместо лошадей они пользовались собаками; питались они рыбой, из кожи которой необычайно искусно делали себе одежду («рыбьекожие ачаны»). Дальше по Амуру на его низовьях обитали гиляки, подобно ачанам жившие исключительно рыболовством. Бесстрашно выплывая в маленьких берестяных лодках в открытое море, они достигали Сахалина, где, по их словам, жили (родственные им) «волосатые люди» (айносы). Воинственные гиляки ходили полуголые в одежде из звериных и рыбьих кож, в носу и ушах они носили кольца, для езды пользовались собаками, которых держали по нескольку сотен и больше.

В общем плавание Пояркова по Амуру продолжалось немногим больше месяца, пока не достигли устья реки, заросшего древовидным камышом. Здесь, захватив аманатами трех гиляцких князьков и объясачив соболями ближайшее население, русские перезимовали. С открытием навигации надо было возвращаться в Якутск. Поярков не решился итти прежним путем. Выйдя в море и держась берега, он после опасного 12-дневного плавания к северу высадился в устьях р. Ульи. Перезимовав на Улье и собрав ясак с окрестных тунгусов, Поярков по последнему зимнему пути перебрался с верховьев Ульи через волок на

реку Маю, приток Алдана, и этими реками вышел на Лену. В Якутск отряд Пояркова вернулся летом 1646 г., т. е. через три года после отплытия, причем из 127 человек экспедиции уцелела одна треть.

Трудности, перенесенные экспедицией, суровость ее предводителя, страшная потеря в людях никого не смутили. Зато рассказы о том, насколько новооткрытые земли «людны, хлебны, собольны: и всякого зверя много, и хлеба родится много, и те реки рыбны», а также утверждение, что «тех пашенных хлебных сидячих (оседлых) людей под государеву высокую руку привесть можно»,— вселяли твердую уверенность в возможности не только завоевать Амурскую землю, но и проникнуть дальше в Китай.

В 1647 г. якутские воеводы В. Пушкин и К. Супонев отправили на Амур экспедицию под командой казака В. Юрьева, дошедшего только до границ Даурии. То, что начал Поярков и пытался продолжить Юрьев, несколько лет спустя закончил было Ярофей Павлов сын Хабаров-Святитский, крестьянин Воложенской волости Устюжского уезда. Родом он был из Сольвычегодска, вотчины Строгановых, откуда некогда начал свой поход Ермак против Кучума, хана Сибирского царства, преграждавшего русскому народу путь за Урал.

Хабарову, человеку смелому, инициативному, тесно было в Поморье; к тому же он, повидимому, сильно задолжал на родине, в связи с чем в 1628 г. пробрался в далекую Мангазею, а оттуда еще дальше — в Пясиду, на Таймырский полуостров, в качестве целовальника при сборщике ясака. В 1630 г. Хабаров вернулся к себе домой, но два года спустя снова направился в Зауралье. На этот раз после недолгого проживания на Енисее Хабаров окончательно осел на Куте, притоке Лены, «на диком месте, где и русские люди мало бывали». Здесь он устроил солеварницу, поставлял соль в окрестные города, около Усть-Киренги распахал 60 десятин земли, завел

мельницу — все это «своим пожичешком», т. е. на свой счет. В качестве крестьянина, переселившегося в Зауралье и занявшегося там хлебопашеством, Хабаров не являлся тогда исключением, потому что, по указанию В. Шункова, «уже с конца XVI в. начинается прилив в Сибирь волны крестьянского переселения. Менее заметная на первых порах, эта волна уже в XVII в. достигает серьезного размаха, преимущественно для Западной Сибири»[1].

Дела Хабарова, «крепкого мужика», шли превосходно: он скоро стал крупнейшим хлеботорговцем в Якутском уезде. Из документов Сибирского приказа и Якутского правления видно, что в 1641 г. Хабаров дал взаймы торговому человеку И. Сверчкову 600 пудов муки, в следующем запродал нескольким торговым людям 300 пудов; позднее первый по времени якутский воевода П. П. Головин взял у него для нужд казны 3.000 пудов хлеба. На волоку наемные работники Хабарова занимались выгодным для их хозяина извозом на Лену; отряды (человек по десять) хабаровских «покрученников»[2] в тайге «промышляли соболя». Энергичный, бывалый, как тогда говорили, «опытовщик», Хабаров охотно брался за разные промыслы, сулившие прибыль. Получаемые от дел средства Хабаров пускал в рост. Благосостояние его увеличивалось с каждым годом и создало ему почетное положение: он начинает писаться «торговым человеком» в официальных документах мирской общины, на Ленском волоку имя Хабарова ставится на первом месте. Но вот с Хабаровым случилась большая беда.

В 1645 г. Хабаров жаловался на то, что воевода Головин совершенно разорил его: под каким-то предлогом он отобрал у Хабарова все наличные запасы хлеба, отписал

[1] В. Шунков, Крестьянские переселения в Сибирь в XVII веке, стр. 81.

[2] Покрученник — наемный человек, получавший от хозяина «ужину», т. е. охотничью снасть, платье и продовольствие, за что он обязан был промышлять на него пушного зверя, обычно из одной трети добычи.

в казну солеварницу и мельницу, а самого «опытовщика» держал «за приставом» (в тюрьме). Выпущенный на свободу, Хабаров, которому казна ничего не заплатила за реквизированный хлеб, совсем было собрался вернуться на Русь, но потом раздумал. В Сибири наступило тогда время большого экономического оживления, период смелых замыслов и предприятий, питаемых слухами и рассказами об Амурской земле. Экспедиции туда давали надежду на богатейший ясак, что, разумеется, хорошо было известно Хабарову, в голове которого созрел план, открывавший для его предприимчивости широчайшие горизонты. Упорная мысль Хабарова сосредоточилась на юго-востоке Сибири, на «земном рае», Даурской земле.

В 1649 г., когда Дежнев уже осваивал Анадырь, в Якутске произошла смена воевод. Из Москвы на Лену ехал новый воевода Д. И. Францбеков (Ференсбах), иноземец, перешедший в православие. Он не успел еще доехать до места своего назначения и принять дела, как к нему в Илимский острог явился Хабаров с предложением своих услуг для нового похода в Даурию. Хабаров заявил, что прежние экспедиции на Амур были неудачны по причине незнания кратчайшей туда дороги, которую он, Хабаров, хорошо знает. Хабаров не требовал от правительства никакой поддержки: ему нужно было только разрешение, все остальное он брал на себя, обещая снарядить на свои средства, «без государева жалованья», 150 человек. Францбеков, сам предприимчивый крупный делец, весьма искусно умевший сочетать свои личные выгоды с «государевым прибытком», заинтересовался предложением «пашенного крестьянина». Новый воевода не только дал свое согласие на поход в Даурию, но даже сам принял близкое участие в организации экспедиции. Были разосланы особые «памяти» с приглашением «охочих людей» итти в новые места. Откликнулось только 70 человек, но это, разумеется, не могло остановить Хабарова, энергично снаряжавшего экспедицию. На деле

Хабаров только снабжал в долг деньгами на подъем промышленных людей, участников предстоящего похода. Хабаров, правда, сам был тогда без средств, но ему пришел на помощь Францбеков. Воевода открыл Хабарову широкий кредит из государственной казны, дал ему различное оружие (включая пушки), сукна, котлы и инвентарь для заведения пашенных поселений. Сверх этого, в расчете впоследствии с лихвою покрыть свои расходы из походной добычи, воевода предоставил в распоряжение Хабарова и свои личные средства, давая деньги взаймы служилым людям, примкнувшим к экспедиции. Чтобы ускорить отплытие Хабарова, нуждавшегося для похода в запасах продовольствия, Францбеков реквизировал бесплатно хлеб у торговых людей и у них же отобрал принудительно суда, необходимые для даурской экспедиции. Подобный произвол воеводы вызвал сильные нарекания против него и Хабарова со стороны торговых людей, среди которых были лица, имевшие связи с центром. В результате всего этого якутский дьяк П. Стельшин впоследствии доносил в Москву, что поход на Амур был предпринят Хабаровым и Францбековым с своекорыстными целями и что воевода, ссужая деньги служилым людям, брал с них 50 процентов, удерживая в свою пользу их жалованье и пр. В своем донесении Стельшин указывал и на незаконность назначения Хабарова начальником похода с званием «приказного человека», ибо Хабаров, как крестьянин, не имел даже права уходить со своих пахотных земель; к тому же, по мнению дьяка, Хабарову вообще «даурская служба и посольская речь не за обычай (была), потому что он нигде на службе, ни в посольстве не был и ничего опрично пашни не знает». Донесение дьяка имело под собой почву, так как Францбеков, действительно, придал частнопромышленной экспедиции характер государственного предприятия, а самому Хабарову создал официальное положение «приказного человека». За все это и за многое другое воеводе и Хабарову пришлось позднее «дер-

жать ответ». Но это произошло еще не так скоро, а пока что экспедиция была снаряжена и осенью 1649 г. тронулась в путь по Лене, Олекме, Тугиру и Урке, впадающей в Амур. Это и был тот более короткий путь в Даурию, о котором говорил Францбекову Хабаров.

Зима застала Хабарова в устьях Тугира, и только весной 1650 г. его флотилия вышла на Амур, прямо во владения Лавкая. Хабаров хотел как можно скорее увидеть самого Лавкая, чтобы узнать от него, где находятся серебряные рудники. Но страна на много десятков верст вокруг оказалась покинутой жителями. Население, устрашенное походом Пояркова, бежало, узнав о новом приближении русских. Первый же по пути городок-крепость, Албазин, принадлежавший Лавкаю, стоял пустой. Рассчитывая захватить где-нибудь аманатов, Хабаров пошел вниз по реке сухопутьем, держась левого берега. Через полтора дня дошли до второго городка, тоже пустого. Приближаясь к третьему, русские увидели пять человек, ехавших к ним навстречу. Это был сам князь Лавкай с двумя братьями, зятем и рабом. Остановившись на расстоянии голоса, дауры начали переговоры через толмача-тунгуса. Лавкай желал знать причину прихода русских. Ему объяснили, что пришли с мирными целями для торговли и привезли ему много подарков. Но Лавкай не поверил этому, сказав: «Зачем обманываешь нас? Мы вас, казаков, знаем: перед вами был у нас один казак, так он сказал, что вас идет с полтысячи, а следом за вами идут еще люди; вы хотите всех нас побить и пожитки наши пограбить, а жен и детей в полон взять,— оттого мы и города бросили». Хабаров стал уговаривать князьков платить русскому государю дань. Он уверял, что удовлетворится умеренным ясаком, за что дауры могут ожидать от его царского величества защиты и великой милости. Братья Лавкая стали колебаться, но сам Лавкай, поворотив коня, быстро ускакал, а за ним и другие; догнать их пешими было невозможно.

Не надеясь настичь отступившего Лавкая, Хабаров не пошел дальше пятого, также пустого, городка и повернул назад в Албазин. Это была настоящая крепость с пятью башнями, рвами, тайниками и предстенными укреплениями. Расположенный на р. Урке (притоке Амура), откуда начиналась дорога на Лену через р. Тугир, Албазин оставлял тыл русских свободным. В Албазине казаки нашли много ям с хлебным зерном. Амур изобиловал рыбою, а в окрестных лесах водился первосортный соболь и другой ценный зверь. Перезимовать в Албазине с тем, чтобы по весне продолжать поход, было не трудно. Но Хабаров понимал, что дауры приготовились к отчаянному сопротивлению и что с несколькими десятками бойцов нельзя достигнуть успеха. В силу этого, оставив соратников в Албазине, Хабаров в мае 1650 г. неожиданно появился в Якутске, где подал воеводе Францбекову донесение о своей рекогносцировке. К донесению был приложен чертеж пройденных Хабаровым мест с указанием положения даурских крепостей.

Рассказы Хабарова про благодатный приамурский край, его дремучие леса с пушным зверем, вообще про всю новую страну, которая «против всей Сибири будет украшена и изобильна», привлекли к Хабарову толпы промышленников и «охочих людей». Из них он легко отобрал сто семнадцать человек; сверх этого воевода дал ему двадцать одного казака и три пушки с запасом пороха и свинца. Таким образом у Хабарова составилась теперь рать свыше двухсот человек. Весною 1651 г. Хабаров с вновь набранными людьми вернулся прежним путем в Албазин. С этого момента и началось собственно освоение Даурии.

Продвижение Хабарова по Амурской земле является подлинно боевой эпопеей.

Когда Хабаров возвращался в Албазин, дауры увидели, что русских не так уж много. Они осмелели, перестали убегать и, в свою очередь, сами стали нападать на русских. Хабаров сначала засел в Албазине, откуда рассылал свои

отряды в разные стороны для привода «иноземцев под высокую государеву руку». Дауры оказывали сопротивление, но несмотря на свою многочисленность не могли устоять против удали хабаровцев и действия огнестрельного оружия. Все, более близкие к Албазину места, были быстро приведены в покорность и объясачены. Этому способствовало, между прочим, то обстоятельство, что казакам удалось захватить в аманаты жену и сына князька Шилгинея, брата Лавкая. Проведя в Албазине зиму и часть теплого времени, Хабаров отправил в Якутск казаков Чечигина, Васильева и своего племянника Петриловского с ясаком, а сам, построив дощаники, спустился вниз по Амуру.

Хабаровская рать двигалась вниз по Амуру, пока не достигла крайних пределов Даурии, города князя Толги, построенного, как слышали русские от туземцев, силами всей Даурской земли и укрепленного «свыше меры». Князь Толга выехал по соседству на пир; воспользовавшись этим, казаки взяли большую крепость с налета. Толгинские дауры как будто выразили покорность, согласились платить ясак, доставляли русским продовольствие; сам Толга с другими князьями остались у Хабарова в качестве заложников. Хабаров собирался прочно обосноваться в этом городе. Он предложил желающим завести пашню, на что откликнулись многие; уже стали по жребию распределять участки для построек, будущие хлебопашцы покупали у Хабарова инвентарь. Толгин городок должен был превратиться в один из крайних русских пунктов на Дальнем Востоке. Но все это длилось очень недолго: ранней осенью все окрестные дауры сразу поднялись и ушли. Заставить их вернуться не удалось. Зимовать в Толгином городке не представлялось возможным, так как вокруг хлеба не было. Хабаров двинулся дальше по стране джючеров, а зазимовал еще дальше в земле ачанов, «рыбьекожих», как прозвал их Поярков, где был построен острог.

Зима прошла спокойно, но в конце марта 1652 г. под небольшим Ачанским городком появилось враждебное

манчжурское войско в количестве тысячи человек с огнестрельным оружием—«сила богдойская, все люди конные и куячные», т. е. одетые в панцыри [1]. Проломив стену, они пошли на штурм. Был момент, когда казалось, что они непременно одолеют осажденных. Но казаки, стреляя из пушек и пищалей, внезапно сделали отчаянно смелую вылазку, отбили у врага две пушки, а затем наголову разгромили его. «И нападе на них,— доносил Хабаров,— богдоев, страх великий, покажись им сила наша несчетная, и все достатные богдоевы люди от города и от нашего бою побежали врозь. И круг того Ачанского городка, смекали мы, что побито богдоевых людей и силы их 576 человек наповал, а нашей силы казачьи от них легло, от богдоев, десять человек, да переранили нас, казаков, на той драке 78 человек». Это было так неожиданно, что русские сами не верили действительности происшедшего. После разгрома «богдоев» наступило затишье, ни один «иноземец» не показывался около Ачанского городка. Но Хабаров понимал всю опасность своего положения: он даже не знал, где ему зимовать; «в Даурской земле,— писал он в Якутск,— сесть нигде не смеем, потому что тут Китайская земля близко, и войско приходит на нас большое, с огненным оружием».

В апреле 1652 г., оснастя свои суда, Хабаров двинулся обратно вверх по Амуру и вскоре встретил Чечигу с вспомогательным отрядом (27 казаков и 110 промышленников). Выяснилось, что Чечига выслал от себя небольшой отрядец под командой И. Нагибы для разведывания, где находится Хабаров. Но Нагиба не встретился с последним, и значительная часть казаков хотела вернуться назад на поиски Нагибы. Хабаров, не очень-то считавшийся с желаниями своего «войска», наотрез отказал им в этом. Тогда на трех судах хабаровской флотилии вспыхнул настоящий бунт.

---

[1] Богдойская земля — земля богдыхана (великого хана), т. е. китайского императора.

136 человек во главе с десятником Костькой Ивановым, захватив войсковое знамя, порох и другое казенное имущество, двинулись на своих судах вниз по реке. Погромив по пути гиляков и забрав у них аманатов, бунтовщики поставили среди Гиляцкой земли острог, рассчитывая отсюда собирать ясак с покоренных туземцев. Месяца через полтора на них нагрянул Хабаров с верными казаками, осадил острог и начал обстреливать его. Осажденные, понимая бесполезность сопротивления, сдались на милость Хабарова при условии, что их не убьют и не ограбят.

Жалобы торговых людей на насильственные действия воеводы и Хабарова при снаряжении экспедиции, донесение дьяка Стельшина, слухи о жестокости и самоуправстве Хабарова во время похода сделали свое дело. Когда Хабаров в августе 1653 г. находился уже в устьях Зеи, туда приехал из Москвы дворянин Д. Зиновьев. Ему было поручено наградить от имени царя Хабарова и его соратников золотыми медалями за их подвиги; вместе с тем, по заявлению Зиновьева, он должен был «всю Даурскую землю досмотреть и его, Хабарова, ведать». Таким образом, предводитель похода был устранен от командования.

Так как Зиновьев не предъявил царского указа об отрешении Хабарова от командования, последний не хотел было подчиниться. Но Зиновьев, не хуже самого Хабарова, сразу повел дело круто. Зиновьев был дворянин, «чиновный человек», действовавший от имени царя, Хабаров же, в конечном счете, все-таки только богатый «пашенный мужик», с которым можно было не церемониться за многие тысячи верст от Москвы. Зиновьев и не церемонился: он «драл за бороду» победителя Даурии, жестоко бил его. Чтобы избавиться от побоев, Хабаров давал Зиновьеву богатые подарки, остальное тот сам забрал.

Зиновьев, несомненно, вел дознание очень пристрастно, пользуясь главным образом показаниями недоброхотов Хабарова, завидовавших его положению и богатству. Едва ли

Хабаров поступал более жестоко, вероломно и корыстолюбиво, чем, например, тот же Поярков, о поведении которого во время даурского похода передавались страшные рассказы. Но Поярков тоже был «чиновный человек», и ему все сошло с рук. В то время как Зиновьев вел дознание на Зее, в Якутске воевода Францбеков, покровитель Хабарова, был отрешен от должности и предан суду. Таким образом, общая обстановка сложилась для Хабарова крайне неблагоприятная.

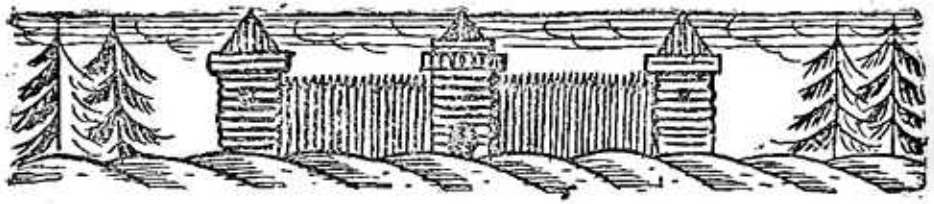
Окончив дознание, назначив на место Хабарова приказчиком служилого человека О. Степанова, отправив в Китай Т. Ермолина «в посланных», Зиновьев повез Хабарова, почти как арестанта, в Москву. Здесь после разбора дела в Сибирском приказе все кончилось благополучно для Хабарова. Летом 1655 г. был объявлен приговор: Зиновьев был признан виновным за принятие подарков и посулы, а Хабаров оправдан [1]. Отобранное Зиновьевым личное имущество Хабарова постановили ему возвратить. Помимо этого, Хабарова пожаловали в дети боярские и поручили ему заведывать в Сибири несколькими деревнями Усть-Кутской волости, Илимского уезда. Награждая так Хабарова в целях поощрения других предпринимателей, правительство сочло все-таки нужным отстранить его от дальнейшего участия в предприятии, которому он несомненно повредил образом своего действия.

Последние известия о Хабарове относятся к 1667 г., когда, приехав по делам в Тобольск, он подал воеводе П. И. Годунову челобитную с новой просьбой разрешить ему снарядить на свой счет сто человек и с ними итти на Амур, чтобы в Даурской земле «ставить города и острожки и завести

[1] Зиновьев был освобожден от какого-либо взыскания в связи с рождением царевича Алексея Алексеевича. В это время покровитель Хабарова воевода Францбеков, имевший в Москве сильную руку, избавился от суда, поплатившись только частью нажитого им в Якутске добра.

хлебные пахоты, отчего государю в ясачном сборе и в хлебной пахоте будет прибыль». Каков был ответ на это челобитье Хабарова неизвестно, как неизвестны его дальнейшая судьба и год смерти.

Хабаров оставил по себе большую память среди сибирских поселенцев и много интересных рассказов о своих подвигах. Официально память о Хабарове в середине XIX в. была закреплена в названиях деревни Хабаровой, выше Киренска, где он жил, и города Хабаровска на Амуре.



ГЛАВА ВОСЬМАЯ

За время царствования первых Романовых Михаила и Алексея (1613—1676) почти все пространство северо-восточной Азии вошло в состав русского государства. С очень небольшими военными силами и ничтожными затратами со стороны государства это дело было осуществлено преимущественно вольными промышленниками, землепроходцами да казаками по собственной инициативе.

Однако, несмотря на их подвиги, богатейший Приамурский край пока еще не был освоен. С отозванием Хабарова, его преемник Степанов продолжал его дело. Продержался он на Амуре до 1658 г. Ему, действовавшему по приказу из центра, пришлось неоднократно иметь столкновения с манчжурами, стремившимися вытеснить русских из Приамурья.

В это время на Амуре, помимо отряда Степанова, появлялись отдельные партии искателей приключений и добычи. Некоторые из них присоединялись к Степанову, так что у него постепенно собралось около пятисот человек. С такими силами Степанов летом плавал по Амуру, собирая ясак главным образом с гиляков, а зиму проводил в укрепленном Комарском остроге. Летом 1658 г. 47 китайских судов с пушками и другим огнестрельным оружием напали на небольшую флотилию Степанова, стоявшую близ устья

р. Сунгари. Согнав артиллерийским огнем казаков на берег, манчжуры совершенно разгромили их. Двести десять человек вместе со Степановым или погибли в бою, или попали в плен. Спаслось лишь одно судно с 57 человеками, присоединившееся к казачьему отряду, действовавшему тогда на Сунгари. Образовался отряд в 227 человек во главе с Артемием Петриловским, племянником Хабарова. Петриловский некоторое время «гулял» на низовьях Амура, собирая там ясак в местах, еще не захваченных манчжурами. Но вскоре последние разбили Петриловского на море; уцелели лишь немногие, поспешившие уйти с Амура. Так закончилась экспедиция в Даурскую землю, начатая Хабаровым в 1649 г.

Но такая обстановка на Амуре не могла, разумеется, остановить дальнейшее продвижение и освоение русскими северо-восточных окраин Азии, завершившееся присоединением полуострова Камчатки. Начало этому было положено в последних годах XVII в. казаком Владимиром Тимофеевым сыном Атласовым.

Происходил он, подобно Дежневу и Хабарову, из Поморья, хотя, по преданию, родился (не позже тридцатых годов XVII в.) в Сибири, куда переселился его отец, устюжский крестьянин. Обстоятельный материал о деятельности исследователя Камчатки дают «выписи» Сибирского приказа о камчатской службе Атласова, его челобитные, «скаски» (донесения), «отписки» якутских властей, а также сообщения некоторых сибирских летописцев. Согласно этим источникам, Атласов начал свою службу, повидимому, со второй половины пятидесятых годов XVII в. Что делал он до тех пор, неизвестно.

Из челобитной Атласова, относящейся к 1701 г., явствует, что с 1672 г. он в течение 28 лет служил в Сибири «в дальних заморских службах», исполняя их, по его выражению, «со всяким чистосердием». К сожалению, также неизвестно, на каких «сибирских службах» провел это время Атласов и в чем именно состояла его деятельность.

Известно лишь, что в 1672 г. Атласов в должности рядового казака Якутского острога приехал в Москву вместе с другими казаками «в провожатых соболиной казны» под начальством боярского сына Ивана Ерастова. Атласов носил тогда прозвище «Отлас» (впоследствии измененное в Отласов, Атласов) и был неграмотен, так как на всех челобитных за него расписывались другие лица. Одна из этих челобитных подписана: «Володька Тимофеев Отлас», в то время как в литературе принято считать Атласова по отчеству «Васильевым». Возможно, у него было двойное отчество, потому что в XVII в. на Руси было в ходу употребление двух имен (одного, данного при крещении, другого — прозвища), хотя случаи двойного отчества крайне редки. В 1673 г. Атласов подал челобитную по поводу недоданного ему жалованья за службу в Якутском остроге и «в отъезде» (т. е. в посылках по разным острожкам и зимовьям Якутского уезда), об отпуске из Москвы и о выдаче «дорожного корму и подводки».

Очевидно, Атласов зарекомендовал себя незаурядным служилым человеком, ибо в девяностых годах XVII в. он дослужился до чина казачьего пятидесятника — должность ответственная, а в 1695 г. был назначен якутским воеводой стольником М. А. Арсеньевым «прикащиком» в Анадырский острог, тогда один из наиболее важных постов в Якутском уезде.

Заносье, как называли в старину обширное пространство, омываемое реками Анадырем и Пенжиной, а с востока водами океана, на юге граничит частью с Пенжинским морем (северный залив Охотского моря), частью с полуостровом Камчаткой. Об этой области давно уже носились слухи среди русских служилых и промышленных людей Восточной Сибири. Больше того: наименование «Камчатка» встречается уже на чертеже Сибири П. Годунова 1667 г., а в «Списке с чертежа 1672 г.» говорится о реке Камчатке. Нога русского человека уже ступала по Камчатской земле, начиная с

Алексеева, товарища по плаванию Дежнева (о чем говорилось выше), и предполагаемой Пыпиным высадки самого Дежнева на берегах Пенжинского моря. О соседней Камчатке слышали, конечно, и анадырские служилые люди, но уведомили они об этом якутскую администрацию только в 1689 г. Семь лет спустя из Анадырска был отправлен к корякам на р. Опуху якутский казак Лука Морозко, проникший значительно южнее, до р. Тигиля, не доходя «четырех дней» до р. Камчатки. Морозко взял камчадальские острожки. Он собрал ценные сведения об этой земле. Известия, сообщенные Морозко, были учтены в Анадырске, и в 1697 г. состоялся первый поход на Камчатку. Во главе похода стоял Владимир Атласов.

Согласно обычаю, Атласов, лицо должностное, отправился в поход по «наказной памяти» якутского воеводы Арсеньева, предписавшего ему итти «для прииску и призыву новых землиц». Однако инициатором похода был все-таки не воевода, а сам Атласов. Это видно из следующего: еще будучи в Якутске, Атласов готовился к походу и притом настолько открыто, что, очевидно, уже тогда получил на это словесное разрешение или согласие Арсеньева; затем, в «наказной памяти» не говорится прямо, что Атласову велено «приискивать Камчатскую землю», а стоит общее выражение—«новые землицы» (повидимому, воевода, зная о страшных трудностях предстоящего похода и допуская возможность полной его неудачи, не хотел брать на себя официальную ответственность за столь рискованное предприятие). Инициатива Атласова подтверждается еще и тем обстоятельством, что на Камчатку он «ходил на своих проторях (расходах), одолжась займуя в кабалы, и служилых и промышленных людей порохом своим и займуя ссужал». Иначе говоря, поход был организован на средства самого Атласова. Участие правительства выразилось в том, что оно дало Атласову служилых людей и, очевидно, оружие, без чего он едва ли осуществил бы свое смелое предприятие. Участники похода за полученную ими от Атласова ссуду в виде пороха, свинца и других запасов позднее расплачивались с ним «собольми своего промыслу». Таким способом на Камчатке Атласов собрал соболей «одиннадцать сороков».

Атласов выступил в поход в 1697 г. на оленях «после ясачного сбора», т. е. осенью. Зимой оленей впрягали в сани, в теплое время ездили на них верхом, в особых седлах. Отряд Атласова состоял из шестидесяти русских служилых и промышленных людей и шестидесяти анадырских «ясачных юкагиров», взятых Атласовым специально для «соболиного промыслу». Маршрут был взят на Пенжинский залив. Перевалив «через великие горы», отряд вступил в почти совсем неизвестную русским область. Первая встреча с местным населением на р. Пенжине прошла очень удачно. Здесь русские «наехали» на острожки «сидячих» коряков, которых объясачили «без бою». От этих острогов Атласов отправился на Камчатский нос и «ехал на оленях подле моря 2 недели». От Камчатского носа по «скаскам иноземцев — вожей» он переправился через «высокую гору» и прибыл «к Люторским острогам, к иноземцам люторам» (ныне уже вымершие олюторцы). «Ласкою и приветом» они были «призваны под государеву руку» и уплатили ясак красными лисицами, которых они добывали для одежды поблизости их юрт. Отсюда Атласов пошел западным берегом полуострова на юг к реке Камчатке. Оленные (кочевые) коряки, встреченные по дороге, отказались платить ясак и даже «грозили побить» Атласова, так что, по его словам, ему пришлось «смирить» их. Вскоре после этого на р. Полане, впадающей в Охотское море, юкагиры, по мнению историка Оглоблина, уже объясаченные русскими, изменнически напали здесь на Атласова[1]. По другим авторам (Крашенинников, Спасский), внезапное нападение на атласовский от-

[1] Н. Н. Оглоблин, Новые данные о Владимире Атласове, стр. 8.

ряд было произведено анадырскими юкагирами. Во всяком случае, произошел серьезный бой, во время которого Атласов получил шесть ран. Несмотря на это, он «изменников от себя отбил» и «справился» с ними. С р. Полана Атласов берегом дошел до р. Кигыла (Тигиль), откуда повернул внутрь полуострова на р. Камчатку и летом 1697 г. достиг р. Канучи, притока Камчатки; в устье первой из них он поставил крест, виденный еще Крашенинниковым, путешественником XVIII в.

Построив на р. Камчатке струги, Атласов, плывя вверх по реке, проник в центр полуострова, где «подозвал под государеву руку» сидевших там камчадалов. По словам Атласова, «те иноземцы им, Владимиру с товарищи, были рады» и просили помощи против сородичей, обитавших южнее. Но все-таки немало камчадалов, коряков и курильцев стали «противиться» Атласову, отказывались платить ясак, в виду чего он вынужден был их «смирять» для того, чтобы «иным иноземцам было встрах». Соболей, бобров и лисиц в новооткрытых местах было «гораздо много», а потому и ясачную казну «собрать мочно было». Но население, согласившееся давать ясак, просило Атласова отложить сбор ясака до следующего года, так как, не ожидая прихода русских людей, туземцы соболей не промышляли в виду того, что «от них соболи и лисицы никуда нейдут». Местность по р. Камчатке была так густо населена, что нередко Атласов встречал поселения в 200—300 юрт с соответствующим числом обитателей.

Ознакомившись достаточно с центральными пунктами Камчатки, Атласов вернулся на ее западное побережье к р. Иче, впадающей в Охотское море. На Иче он встретился с «полонеником Узакинского (Японского) государства», который, идя «морем на бусе, восемь человек из Индейского царства, с заморскими товары», потерпел кораблекрушение у берегов Камчатки. Японец, которого Атласов взял с собою, а впоследствии отвез было в Москву, страшно

обрадовался приходу русских, видя в них своих освободителей [1].

Построив на Иче острог, повидимому, на месте нынешнего селения Ичинского, Атласов отсюда обошел еще целый ряд мест с «бобровыми реками», ставя зимовья и собирая ясак, после чего вернулся в Ичинский острожек. Здесь служилые люди настойчиво потребовали от своего предводителя возвращения в Анадырск, ибо, говорили они, «пороху и свинцу нет, служить не с чем». Обратный путь отряда по территории Камчатки шел по берегам Охотского моря на Пенжинскую губу и дальше по знакомым уже местам на север в Анадырский острог, куда Атласов вернулся в июле 1699 г. Из шестидесяти человек русских служилых и промышленных людей Атласовской экспедиции уцелело только пятнадцать человек; из шестидесяти юкагиров — еще меньше, четыре. Сравнительно небольшой ясак, собранный «с камчатских мужиков и с оленных коряк», обошелся недешево.

Поход Атласова, хотя и продолжался около двух лет (1697—99), по существу был всего лишь рекогносцировкой, показавшей, что для присоединения к русским владениям обширной Камчатки необходимо располагать значительно большими силами.

Летом 1700 г. Атласов приехал в Якутск с ясачными мехами, среди которых особую ценность представляли «десять каланов камчадальских морских». Это были шкурки бобров, точнее морских выдр, которых до тех пор «никогда в вывозе в Москве не бывало».

В Якутске Атласов подал воеводе стольнику Д. А. Траурнихту «скаску», в которой подробно рассказал о всех об-

[1] Этот японец, Денбей, родом из гор. Осака, сын купца, в конце 1701 г. был привезен в Москву и здесь оставлен Петром I для изучения русского языка и для обучения русских «робят» японскому. Собственноручно подписанную по-японски «скаску» Денбея о Японии следует признать первым в России документальным известием об этой стране. Подробнее см. Н. Н. Оглоблин «Первый японец в России».

стоятельствах своей экспедиции для «прииску новых землиц и для призыву под самодержавную великого государя высокую руку вновь неясачных людей, которые под царскою высокосамодержавною рукою в ясачном платеже не бывали».

Из Якутска Атласов был отпущен воеводою с «соболиною казною» и своими «пожитками» в Москву, куда и прибыл в начале 1701 г. В Москве Атласов подал в Сибирский приказ несколько челобитных и вторую «скаску» [1]. Это донесение Атласова представляет особый интерес, потому что в нем дается очень подробное и красочное описание животного и растительного мира Камчатки, ее топографии и быта ее обитателей. Очень ценны сообщения Атласова о камчадалах, которые сами называют себя «ительмен», что значит «люди». По атласовскому описанию, очень верному, камчадалы ростом невелики, с «бородами средними», лицом походят на зырян. Жили они оседло, носили одежду из соболей, лисиц и оленей, подпушенную собаками; жилища у них были двух видов: зимние земляные, летние на столбах, от земли «сажени по три». Пищей камчадалам служили рыба и мясо зверей; деревянную посуду и глиняные горшки камчадалы делали сами. Относительно религиозных верований камчадалов Атласов был немногословен: «Веры никакой нет, только одни шаманы»; по внешнему виду эти шаманы отличались «с иными иноземцы» тем, что «носили волосы долги». По горным хребтам Камчатки обитали «оленьи коряки», а «вдаль» за камчадалами — «курильские иноземцы», на вид чернее первых и почти безбороды. Одежда у них одинаковая с камчадалами, но «скуднее». Климат в земле куриловцев теплый, вследствие чего соболь «плох, но больших бобров и красных лисиц много». Еще дальше за камчадалами, «какие люди есть и далека ль та земля — неведомо».

[1] Донесения Атласова были найдены Н. Оглоблиным и опубликованы в работе «Две скаски» Вл. Атласова об открытии Камчатки, откуда и заимствованы цитаты.

Атласов сообщил, что все туземцы Камчатки «державства великого над собою не имеют», а «почитают больши» самого богатого в роду. Роды воюют друг с другом. Что касается воинских качеств камчатских «иноземцев», то они «временами бывают смелы, а в иное время плохи и торопливы»; они очень боялись огнестрельного оружия и прозвали русских «огненными людьми», от выстрелов которых скоро «бежали назад». До прихода Атласова «дани с тех иноземцев никуды не имано».

Идя вверх по р. Камчатке, Атласов открыл две горы: одна была «подобно хлебному скирду велика гораздо и высока», а другая поблизости «подобна сенному стогу и высока гораздо: из нее днем идет дым, а ночью искры и зарево». По рассказам камчадалов, при восхождении до половины высоты этой горы слышен «великий шум и гром». Смельчаки, пытавшиеся продолжать подъем выше, платились жизнью, «назад не вышли, а что тем людям на горе учинилось — не ведают» [1].

Это замечательное донесение служилого казака второй половины XVII в. бесспорно является одним из лучших и не только русских землеописаний старого времени. Современный нам автор Л. С. Берг так определяет значение известий Атласова касательно этой области: «Атласов представляет из себя личность, совершенно исключительную. Человек малообразованный, он вместе с тем обладал недюжинным умом и большой наблюдательностью, и показания его... заключают массу ценнейших этнографических и вообще географических данных. Ни один из сибирских землепроходцев XVII и начала XVIII веков, не исключая и самого Беринга, не дает таких содержательных отчетов» [2].

Челобитные Атласова и приказные «выписи» из них вы-

[1] Открытый Атласовым вулкан — Ключевская сопка, имеющая высоту 4850 м. В общем на Камчатке насчитывается 127 вулканов, из них 19 действующих.

[2] Л. С. Берг, Открытие Камчатки и камчатская экспедиция Беринга, стр. 7.

звали большой интерес у властей. После подробного ознакомления со всем делом постановили: якутскому казачьему пятидесятнику Владимиру Атласову «быть в Якутску казачьим головой», а жалованье ему учинить «годовой оклад 10 рублей по 7 четвертей ржи и овса, 3 пуда соли»; за его же пожитки (11 сороков соболей) выдать ему 100 рублей деньгами и товаров на 100 р.; в «приговоре» пояснялось, что «то верстанье в казачьи головы и выдача за его пожитки» учинены Атласову за его поход в Камчадальскую землю.

Содержание одной из «выписей» Сибирского приказа свидетельствует о том, что правительство определенно возлагало на Атласова большие надежды в смысле «прииску вновь иных иноземцев в Камчадальской земле». Что касается самого Атласова, то он, разумеется, вполне готов был еще раз послужить в новооткрытой «землице», за первоначальный поход в которую он был щедро вознагражден. Проведя почти тридцать лет в «дальних заморских службах», Атласов не страшился трудностей нового похода, но считал, что для его успеха мало одной удачи и веры в счастье. Ко второй экспедиции в «Камчадальскую землю» надлежало приготовиться как можно основательнее. Каждого участника похода надо было вооружить гладкой или винтованной пищалью, отряду дать несколько небольших пушек и полковое знамя. Для обменной торговли с туземцами требовались «пуд бисеру лазоревого» и сто ножей. Правительство, сильно заинтересованное рассказами Атласова о богатствах и многолюдстве нового края, охотно пошло навстречу всем предложениям предприимчивого казака.

Во главе с «новоприбранными» в Сибири людьми Атласов уже двигался на Камчатку, когда на р. Верхней Тунгуске произошло событие, по рассказу «Черепановской летописи», рисующееся в следующем виде: «Атласов,— повествует летопись,— по духу храбрости своей, оказанной над камчадалами, который не давал покоя, сделал на Тунгуске нападение на купеческое судно гостя Логина Добрынина и вместо размена товаров, как делывал в Камчатке, взял их силою, пощадив только людей, ради единоземной с ними русской породы. По жалобе в Якутске бывшего на том судне купеческого прикащика, Атласов с десятью главными участниками предан был суду и посажен в тюрьму, находясь под следствием шесть лет»[1].

За время долгого ареста Атласова дела в «Камчадальской земле» год от году шли все хуже и хуже. То здесь, то там «иноземцы» отказывались давать ясак, а в 1706 г. началось уже настоящее их восстание. Правительство, понимая, что только один человек может усмирить его и довести до конца начатое предприятие, освободило Атласова и, возвратив ему право командования, предписало в двухнедельный срок итти на Камчатку с отрядом в сто человек. Грозная известность Атласова и появление свежих сил повлекли за собою быстрое успокоение среди камчатского населения. Прощенный Атласов не получил все-таки тех широких полномочий, с какими он был отпущен из Москвы в 1701 г. Ему пришлось ограничиться скромной ролью заурядного «прикащика» камчатских острогов. В этой должности он погиб в 1711 г.: был убит своими соратниками в целях ограбления.

Атласов, бесспорно, принадлежал к числу наиболее выдающихся русских «землепроходцев», которых не пугали ни расстояния, ни опасности со стороны людей и природы. Одаренный огромной физической силой, железным здоровьем даже и в старости, Атласов отличался беспримерной энергией и необычайной силой воли. Увлекаемый жаждой открытия «новых землиц» и надеждой на добычу, он всю свою долгую жизнь провел в походах, путешествиях, опасностях и военных столкновениях. В нем было немало общего с Хабаровым, но вместе с тем своими административными способностями и стремлением приводить «иноземцев»

[1] Г. Спасский, Владимир Атласов, покоритель Камчатки, стр. 166.

в русское подданство «лаской и приветом» он напоминает также и Дежнева.

В умственном отношении Атласов (повидимому, только лет сорока обучившийся грамоте) выделялся среди своих современников и соратников. Он был одновременно воином и путешественником-исследователем, и даже писателем. Из содержания двух его «скасок» об открытии Камчатки видно, что он был наблюдательным автором, способным подмечать, сравнивать, а затем делать самостоятельные выводы. Отрицательные стороны своего характера, последствия личных и служебных проступков Атласов вполне искупил своей трагической смертью.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

К началу XVIII столетия ясно определились результаты продвижения русского народа по северо-восточной Азии. Открытия и обследования, совершенные русскими людьми в течение XVII в. в Сибири, Амурской области и на Камчатке преимущественно водными (морскими и речными) путями, оказали большое влияние на экономическое и культурное развитие этих районов и на прогресс географической науки.

Выше уже говорилось о той важной роли, какую сыграли для Западной Европы старорусские «дорожники» и другие документальные источники, а равным образом и то непосредственное содействие, которое оказали наши предки западноевропейским путешественникам, плававшим по северным морям и рекам Поморья. Обследование русскими Сибири, в котором иностранцы не принимали прямого участия, дало в этом отношении гораздо больше. Интерес к Сибири пробудился на Западе очень давно. «Быть может,— замечает современный нам историк М. П. Алексеев,— уже результаты новгородских экспедиций в Югру и Заволочье стали известны на Западе в силу тех оживленных торговых сношений, какие в XI—XIII веках существовали между Новгородом и Ганзейскими городами... Вместе с «собольми и горностальми и черными куначи и

песцы и белыми волкы», спрос на которые все возрастал на рынках немецкой Прибалтики, на запад могли передаваться и рассказы о тех краях, где добываются эти драгоценные товары и куда, забираясь все далее на восток, непроходимыми «пропастьми, снегом и лесом» упорно шла новгородская колонизация»[1]. В середине XIII в. католические монахи Карпини и Рубрук, ездившие в Монголию, в ставку великого хана, сообщили Западу о народах северной Азии, нынешней Сибири; полстолетия спустя о ней довольно подробно рассказывал Марко Поло, называя ее «страною Баргу». Но сообщения о Сибири, проникавшие в течение нескольких столетий в Западную Европу, носили туманный и сбивчивый характер. Приподнять завесу, так долго скрывавшую от западного мира северные азиатские земли, могли только торговые экспедиции и военные походы русских, благодаря которым в России в XVII в. был собран богатый документальный материал об истории Сибири, ее этнографии, быте коренного населения и пр.

Таковы были, прежде всего, сибирские летописи, часть которых, собственно говоря, представляет собою «исторические повести», изображающие в законченной литературной форме историю освоения Сибири. Этот материал возник на основании местных сказаний, воеводских донесений, «сказок» искателей «новых землиц». Расширяя своими экспедициями и походами территорию государства, они вместе с тем расширяли и область землеведения. Донесения Дежнева, Пояркова, Атласова и других более ранних «землепроходцев», имена которых, повидимому, и не дошли до нас, те чертежи, которые они набрасывали в обстановке великих опасностей и тягчайших климатических условий, попадали в руки людей, постепенно объединявших эти известия, если и не согласно требованиям современной нам науки, то во всяком случае, достаточно точно и полно.

[1] М. П. Алексеев, Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей (Введение, стр. XI).

Основоположником сибирского летописания был архимандрит Киприан, человек образованный, в 1621 г. возведенный в сан архиепископа Сибирского. Он на основании письменных сообщений соратников Ермака составил «Синодик» Тобольского собора, представляющий собою схематический очерк главных моментов знаменитого похода и смерти его предводителя. Вскоре после этого появилось новое литературное произведение на ту же тему: «О Сибири и о сибирском взятии», написанное в 1636 г. архиепископским подьячим Саввою Есиповым (так наз. «Есиповская летопись»).

Затем во второй половине XVII в. была составлена повесть «О взятии Сибирской земли», известная в науке под названием «Строгановской летописи», так как ее автор, без сомнения, был близок к семье Строгановых, использовал для своей работы их частный архив и главное внимание уделил не Ермаку, а Строгановым. Составление Строгановской летописи относится приблизительно к 1673 г., потому что в этом году впервые в жалованной грамоте царя Алексея Михайловича, данной Григорию Строганову, появляется указание на участие Семена Строганова в «призвании» Ермака.

В основе того и другого памятника лежит, по замечанию Бахрушина, «один и тот же первоисточник, то «написание», которое принесли казаки преосвященному Киприану, когда он пожелал узнать от них, «како приидоша в Сибирь»[1]. Несомненно заслуживает внимания «Роспись Сибирским городам и острогам», представляющая собою список городов, острогов, зимовьев и тех рек, на которых они были расположены. В этом списке было указано расстояние между названными пунктами, измеренное днями езды на лошадях и собаках или плавания по рекам на до-

[2] С. В. Бахрушин, Очерки, стр. 16.

щаниках и стругах. Имелись указания и на то, сколько и где считалось служилых людей в укрепленных местах, кто держал ямскую гоньбу и по каким дорогам. Судя по городам и острогам, упоминаемым в «Росписи», она составлена не позже 1640 г.

Со второй половины XVII в. сибирское летописание заметно увеличивается. Здесь следует указать на такое любопытное произведение, как «Летопись Сибирская краткая Кунгурская», отличающаяся чисто народным стилем и передающая некоторые эпизоды почти сказочным языком. Возникла она в казацкой среде, в которой еще жива была тогда память о покорителе Сибирского царства. Последним двадцатилетием XVII в. датируется «Описание новыя земли, сиречь Сибирского царства», соединяющее в себе известия о завоевании Сибири с сообщениями географического и этнографического характера, а также с известиями о религиозных верованиях и обычаях китайцев и о прибытии в Китай иезуитов. К 1680-м годам относится «Сказание о великой реце Амуре...»; это — описание р. Амура и его побережий во время обладания и заселения русскими этого края и разработки его естественных богатств. Наконец, нельзя обойти молчанием работу на латинском языке русского подданного серба Юрия Крижанича («История о Сибири») в 1661 — 76 гг., жившего в Тобольске[1]. Вообще о Сибири и тогда и позднее писали многие лица, принадлежавшие к различным слоям русского общества. Так, в XVIII в. тобольский ямщик И. Черепанов составил «Новую Сибирскую историю» («Черепановская летопись»), доведенную до 1759 г. Источниками ему послужили сибирские летописи и «Описание Сибирского царства» Миллера, о котором будет сказано ниже. Компиляция Черепанова дает представление о постепенном переходе от приемов старомосковских книжников к научным методам недавно основанной тогда петербургской Академии наук.

[1] Часть перечисленных выше материалов полностью опубликована в работе А. Титова — Сибирь в XVII веке.

К летописно-литературным источникам с течением времени присоединился и картографический материал, посвященный специально Сибири. По указу царя Алексея Михайловича был «збиран... за свидетельством всякого чина людей» и «по высмотру стольника и воеводы Петра Ивановича Годунова с товарищи» общий чертеж Сибири и «придан тиснению» в Тобольске в 1667 г. Оригинал чертежа был утерян, и чертеж стал известен по его шведской копии, а с 1914 г. по русской рукописной копии. На этой карте, резанной на дереве, указаны, главным образом, разные народы, населяющие Сибирь, и ее речная сеть; водоразделом между Европой и Азией указан Уральский хребет; север показан внизу карты, юг наверху, запад на правой стороне, восток — на левой[1]. К 1672 г. относится составление «Списка с чертежа Сибирския земли», с его второго экземпляра, утерянного подобно первому.

Эти работы не были началом русской картографии. Ее начало относится ко второй половине XVI в., когда было приступлено к составлению «Большого Чертежа», карты всего государства, время воспроизведения которой точно не установлено. Источниками при составлении этого чертежа послужили так называемые «переписные книги», где находились описания угодий, как результат народных переписей. За ветхостью оригинала «Чертеж», служивший маршрутной картой «для великого государя службы посылок», время от времени перечерчивался.

Что касается картографии Сибири, то, как замечает А. И. Андреев, «...до нас не дошли не только многочисленные чертежи отдельных мест Сибири, но и некоторые чертежи всей Сибири, составлявшиеся в XVII в. по край-

[1] Снимок с копии этого чертежа приложен к работе А. Титова — Сибирь в XVII веке.

ней мере четыре раза»[1]. На основании одного из таких погибших чертежей была составлена голландцем Исааком Массой карта Сибири, напечатанная еще в 1609 г. После великого пожара Москвы в 1626 г., когда погибла масса документального материала, было предписано тобольскому воеводе А. Хованскому «с товарищи», «Тобольскому городу и всех сибирских городов и острогов в Тобольску начертити чертеж». Это задание было исполнено, повидимому, в 1629 г. Чертеж не сохранился, до нас дошла только его «Роспись». Весьма возможно, что «Карта Татарии», приложенная к известной книге Адама Олеария (1647 г.) «Путешествие голштинского посольства в Московию и Персию», составлена по этому чертежу. В 1673 г. был составлен новый чертеж и к нему приложено чертежное описание Сибири, сохранившее свое значение в качестве справочника до конца XVII в. Повидимому, этот чертеж был составлен в Москве, так как в Сибири о нем не знали. Он более систематичен, чем годуновский, дополнен новыми документальными известиями и таким образом является дальнейшим шагом в описании зауральских земель и областей[2]. Чертеж считался утерянным, но вполне допустимо, что обнаруженная в 1908 г. в ученом архиве Главного Штаба раскрашенная карта Сибири XVII в. (в копии XVIII в.) представляет собою именно этот чертеж.

Не позднее 1689 г. А. А. Виниус, переводчик Посольского приказа, а позднее дьяк Сибирского приказа, составил чертеж Сибири, обнаруженный в наше время А. И. Андреевым в библиотеке Эрмитажа. В отличие от вышеперечисленных чертежей, чертеж Виниуса имеет градусную сетку (подобно западноевропейским картам Сибири того времени) и вообще выполнен по правилам тогдашней картографической техники. Благодаря этому чертежу западноевропейская картография второй половины XVII в. обогатилась многими ценными сведениями о Сибири.

К самым последним годам XVII в. относятся замечательные историко-географические труды тобольского сына боярского С. У. Ремезова. В 1696 г. ему было поручено «всем сибирским городам и с уезды... написать чертежи на холсте... а в Тобольску велеть сделать доброму и искусному мастеру чертежи всей Сибири». Использовав для этой работы свое служебное знакомство с Западной Сибирью до Алтая и с уже существовавшими тогда чертежами Сибири, писцовыми книгами и «статейными списками» (отчеты послов), Ремезов, согласно сообщению «Черепановской летописи», закончил в 1697 г. карту, отосланную «без всякого мотчанья» (промедления) в Москву. Карта Ремезова (размер 3 × 4 метра) была исполнена на куске бязи, сшитом из нескольких полотнищ; начертана она без сетки, север находится внизу, лесистые места изображены деревьями, пояснительные надписи сделаны славянскими буквами. Существует предание, что по этому чертежу, ныне хранящемуся в Русском Географическом Обществе, Петр I в шутку экзаменовал плохо знающих географию.

Составлением большого чертежа не ограничились картографические работы Ремезова. После путешествия по Тобольской области и Киргизской степи Ремезов составил в 1701 г. единственный в своем роде атлас Сибири под названием «Чертежная книга... всей Сибири и городов и земель». Атлас состоял из двадцати трех карт; из них одна захватывала Великопермскую землю, входившую тогда в состав Сибири, другая указывала на распределение сибирских народов, третья представляла сборный лист; остальные 20 карт изображали отдельные города, села и волости. Карты ремезовского атласа, в котором была найдена копия годуновского чертежа всей Сибири, хранятся

[1] А. И. Андреев, Очерки по источниковедению Сибири XVII века, стр. 7.

[2] Текст чертежного описания был напечатан в «Российском магазине», т. I, 1791—1792 гг.

в наших архивах. Этим атласом заканчивается собственно русская картография допетровского времени, так как вышедшая в свет немного спустя круглая по форме всемирная карта («Книга глаголемая козмография») является переизданием одной из круглых карт средних веков.

Историко-географические труды Ремезова не кончились, однако, составлением атласа. Ремезову принадлежит еще летопись «Сибирская история», в которую была вклеена вышеупомянутая «Кунгурская летопись», вследствие чего некоторые исследователи ошибочно считали Ремезова автором и этого произведения. Ремезовская «История Сибири» не является простым летописным сводом. «Это скорее ученый исторический труд, соответствующий до известной степени нашим понятиям о таковом и лишь отражающий с большей яркостью дефекты метода и приемов, свойственные научной мысли того времени» [1].

Совокупность трудов Ремезова бесспорно позволяет считать его выдающимся историко-географом XVII века.

Что касается русской историографии Сибири, то публикация материалов о ней началась с середины XVIII в. Большое значение в настоящем случае имела деятельность русского историка Г. Ф. Миллера.

Миллер в качестве историка-географа вошел в состав большой «академической» экспедиции Беринга, задуманной еще Петром I, но осуществленной уже после него в 1733—43 гг. Экспедиция должна была выяснить, «сошлась ли» Азия с Америкой, и произвести подробное обследование Сибири, основные методы которого (использование официальных данных, собирание исторических источников и опрос «бывальцев») уже наметились к началу XVIII столетия. Миллер провел в Сибири 10 лет. Кропотливо роясь в архивах двадцати городов, тщательно собирая данные сибирского фольклора, лично наблюдая обычаи и нравы местного населения, производя археологические обследования (например, развалин степных калмыцких монастырей, откуда он вывез много тангутских и монгольских рукописей) и т. п., Миллер за это время собрал огромный материал касательно истории, географии, топографии, этнографии, торговли и религии Сибири. На основе этого материала с прибавлением к нему уже имевшихся русских источников Миллер написал свою историю Сибири: «Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел, от начала а особливо от покорения его Российской державе по сии времена» — заглавие, не принадлежащее автору. Свой обширный труд (23 главы) Миллер довел до 60-х годов XVII в. Начался он печатанием с 1750 г. Сверх этого Миллер составил карту Сибири и поместил в журнале «Ежемесячные сочинения» целый ряд статей, касающихся зауральских земель и областей: «О первых российских путешествиях и посольствах в Китай», «Примечания о торгах Сибирских», «История о странах, при Амуре лежащих», «О песошном золоте в Бухарии», «Описание морских путешествий по Ледовитому и Восточному морю», «Известие о строении крепостей на Иртыше», «Известия о ландкартах, касающихся до Российского государства» и др. Изданные Миллером работы, в которых географическая часть переплетается с исторической, охватывают почти всю историю освоения Сибири до XVIII в.

Неменьшее значение имели многочисленные работы С. П. Крашенинникова, принимавшего участие в экспедиции Беринга еще студентом, впоследствии ставшего ректором академического университета и инспектором академической гимназии в Петербурге. Способности и трудолюбие Крашенинникова всегда отличали его от прочих студентов, причем, по отзыву Миллера, высокие качества его ума «соединялись в нем со многими добродетелями». Значительная часть замечательных работ Крашенинникова — передового русского ученого первой половины XVIII в., первого русского этнографа в подлинном значении этого

[1] С. В. Бахрушин, Очерки, стр. 17.

слова — посвящена Камчатке, так мало тогда еще известной. Энциклопедист по своим научным интересам и работе, Крашенинников дал исчерпывающее для своего времени описание этой земли и ее народностей. В этом труде, своеобразной «энциклопедии», Крашенинников тщательно описал природу и физико-географические условия Камчатки, дал подробную характеристику материальной культуры и быта ее обитателей и подробный же исторический очерк крайних пределов русских владений в северо-восточной Азии. Труд Крашенинникова—важный этап в историографии Сибири — не потерял своего большого значения и для нашего времени, потому что собранные Крашенинниковым лингвистические материалы во многом освещают до сих пор недостаточно изученный вопрос о распространении языков народностей Камчатского полуострова.

В XIX в. А. Пыпин писал относительно главной работы Крашенинникова следующее: «Описание Камчатки» Крашенинникова, умершего в 1755 г., когда был отпечатан последний лист его книги, было величайшею новостью для тогдашней ученой литературы. Это был первый рассказ о стране совершенно неизвестной, которая не бывала наблюдаема натуралистом, и описание ее являлось настоящим открытием: этим объясняется живое любопытство, какое возбудила она в европейском ученом мире»[1]. Труд Крашенинникова был переведен на многие западноевропейские языки.

Все эти замечательные работы до сих пор не утратили своего научного значения при изучении Северной Азии от Урала до Великого океана. Сопоставляя сообщения более поздних исследователей с известиями русских источников более раннего времени, видим, что условия и способы передвижения по сибирским путям в XVI—XVIII вв. мало чем отличались от тех, которыми задолго до открытия и освоения зауральских земель русские расселялись по великой восточноевропейской равнине. Вместе с тем эти известия об условиях плавания по сибирским рекам и морям, открытии и обследовании «новых землиц» в Зауралье дают ясное представление о тех великих трудностях, необычайной отваге и энергии, с которыми наши предки преодолели необозримые пространства северной Азии с тем, чтобы освоить эти земли.

В героических подвигах отважных исследователей обширных пространств Сибири и необъятных земель Дальнего Востока нашли свое проявление национальные черты русского народа. Великий русский писатель А. М. Горький в своей книге «История русской литературы» по этому поводу писал следующее:

«Русский народ, как строительная сила, создал три типа государственного бытия...

Он, нар(од) этот, без помощи государства захватил и присоединил Москве огромную Сибирь, руками Ермака и понизовой вольницы, беглой от бояр.

Он, в лице Дежнева, Крашенинникова, Хабарова и массы других землепроходцев открывал новые места, проливы — на свой счет и за свой страх.

Он же додумался на 53 г(ода) ранее Дениса Папина до изобретения паровой водоподъемной машины — изобретенной на Урале в 1637 г(оду).

Этим народом сделано много дела, у него есть большая история...»

[1] А. Пыпин, Сибирь и исследования ее, стр. 715.

БИБЛИОГРАФИЯ

Акты археографической экспедиции, т. I, Спб., 1836.

Алексеев М. П., Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей, т. I—II, Иркутск, 1932—1936.

Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке, Л., 1938.

Андреев А. И., Жизнь и научные труды С. П. Крашенинникова (Сборник «Памяти С. П. Крашенинникова», «Советский север», 1939, № 2).

Андреев А. И., Очерки по источниковедению Сибири. XVII век, Л., 1939.

Анучин Д. Н. К истории ознакомления с Сибирью до Ермака, М., 1890.

Арсеньев Ю. В., Новые данные о службе Николая Спафария в России («Чтения общ. истории древн. росс.», 1900, кн. IV).

Базилевич К. В., В гостях у богдыхана (Путешествия русских в Китай в XVII веке), Л., 1927.

Бахрушин С. В., Военно-промышленные экспедиции торговых людей в Сибири в XVII веке. «Исторические записки», т. X.

Бахрушин С. В., Казаки на Амуре, Л., 1925.

Бахрушин С. В., Г. Ф. Миллер как историк Сибири (статья в «Истории Сибири», т. I, М.—Л., 1937).

Бахрушин С. В., Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв., М., 1928.

Бахрушин С. В., Ясак в Сибири в XVII веке («Сибирские огни», 1927, № 3).

Берг Л. С., Известия о Беринговом проливе до Беринга и Кука, «Записки по гидрографии», т. II, 1920.

Берг Л. С., Открытие Камчатки и камчатская экспедиция Беринга, М.—Пг., 1924.

«Библиотека иностранных писателей о России», т. I, Спб., 1836.

Боголюбов Н., История корабля, т. II, М., 1880.

Быковский Н. М., Картография (исторический очерк), М.—Л., 1923.

Герберштейн С., Записки о Московии, Спб., 1866.

Документы о морском пути из России в Сибирь в конце XVI и начале XVIII вв. («Русская историческая библиотека», т. II, Спб., 1875).

Дополнения к актам историческим, т. I, Спб., 1836.

Замысловский Е., Герберштейн и его историко-географические известия о России, Спб., 1884.

Замысловский Е. Е., Чертежи Сибирских земель XVI—XVII вв. «Журн. Мин. нар. просв.», 1891, № 6.

Зеленин А., Якутский казак С. Дежнев («Научное Обозрение», 1898, № 12).

Карамзин Н. М., История государства российского, изд. 5. т. IX, гл. 6, Спб., 1852.

Ключевский В. О., Сказания иностранцев о Московском государстве, Пг., 1918.

Костомаров Н., Сибирские землеискатели XVII в. («Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей», кн. 2). Изд. 6, Спб., 1912.

Любименко И. И., История торговых сношений России с Англией (вып. I, XVI век), Юрьев, 1912.

Миллер Г. Ф., История Сибири, т. I, М.—Л., 1937.

Н. П. Исторические акты о подвигах Ерофея Хабарова на Амуре, в 1649—51 гг. («Сын отечества», 1840, т. I).

Небольсин П. И., Покорение Сибири, 1849.

Оглоблин Н. Н., Две «скаски» Вл. Атласова об открытии Камчатки («Чтения Общ. ист. и древн. росс.», 1891, кн. 3).

Оглоблин Н. Н., К биографии Владимира Атласова («Чтения Общ. ист. и древн. росс.», 1894, кн. 1).

Оглоблин Н. Н., Новые данные о Владимире Атласове («Чтения общ. ист. и древн. росс.», 1888, кн. 1).

Оглоблин Н. Н., Первый японец в России («Русская Старина», 1891, № 10).

Оглоблин Н. Н., Семен Дежнев. Новые данные и пересмотр старых «Журн. Мин. нар. просв.», 1890, № 12.

Памятник сибирской истории XVIII века, кн. 1, Спб., 1882.

Платонов В., Прошлое русского севера, Пг., 1923.

Пыпин А., Сибирь и исследования ее. «Вестник Европы», 1888, № 4.

Сгибнев А., Исторический очерк главных событий в Камчатке. «Морской Сборник», 1869, № 4.

«Сибирские летописи», издание Археограф. комиссии, Спб., 1907.

Соколовский Г. Н., Филипп Авриль как географ. «Известия Гос. русск. географ. общ.», 1925, т. 57, вып. I.

Соловьев С. М., История России с древнейших времен, изд. 3, т. II, гл. 2; т. VI, гл 7; т. XII, гл. 5. Спб., б. г.

Спасский Г., Владимир Атласов, покоритель Камчатки («Вестник русск. географ. общ.», 1858, т. XXIV).
Спасский Г., Сведения русских о реке Амуре в XVII столетии («Вестник русск. географ. общ.», 1857, т. XXIV).
Спасский Г., Список с чертежа Сибирския земли («Временник Общ. ист. и древн. росс.», 1849, кн. 3).
Спицын А. А., Русская историческая география. Пг., 1917.
Титов А. А. Летопись Двинская, М., 1889.
Титов А. А., Сибирь в XVII веке, М., 1890.
Чулков Н. П., Ерофей Павлов Хабаров. Добытчик и прибыльщик XVII века. «Русский Архив», 1898, кн. I.
Шумахер П. В., Первые русские поселения на Сибирском востоке. «Русский Архив». 1879, № 5.
Шумахер П. В., Наши сношения с Китаем («Русск. Архив», 1879, № 6).
Шунков В., Крестьянское переселение в Сибирь в XVII веке. «Историк-марксист». 1941, № 3.

ОГЛАВЛЕНИЕ

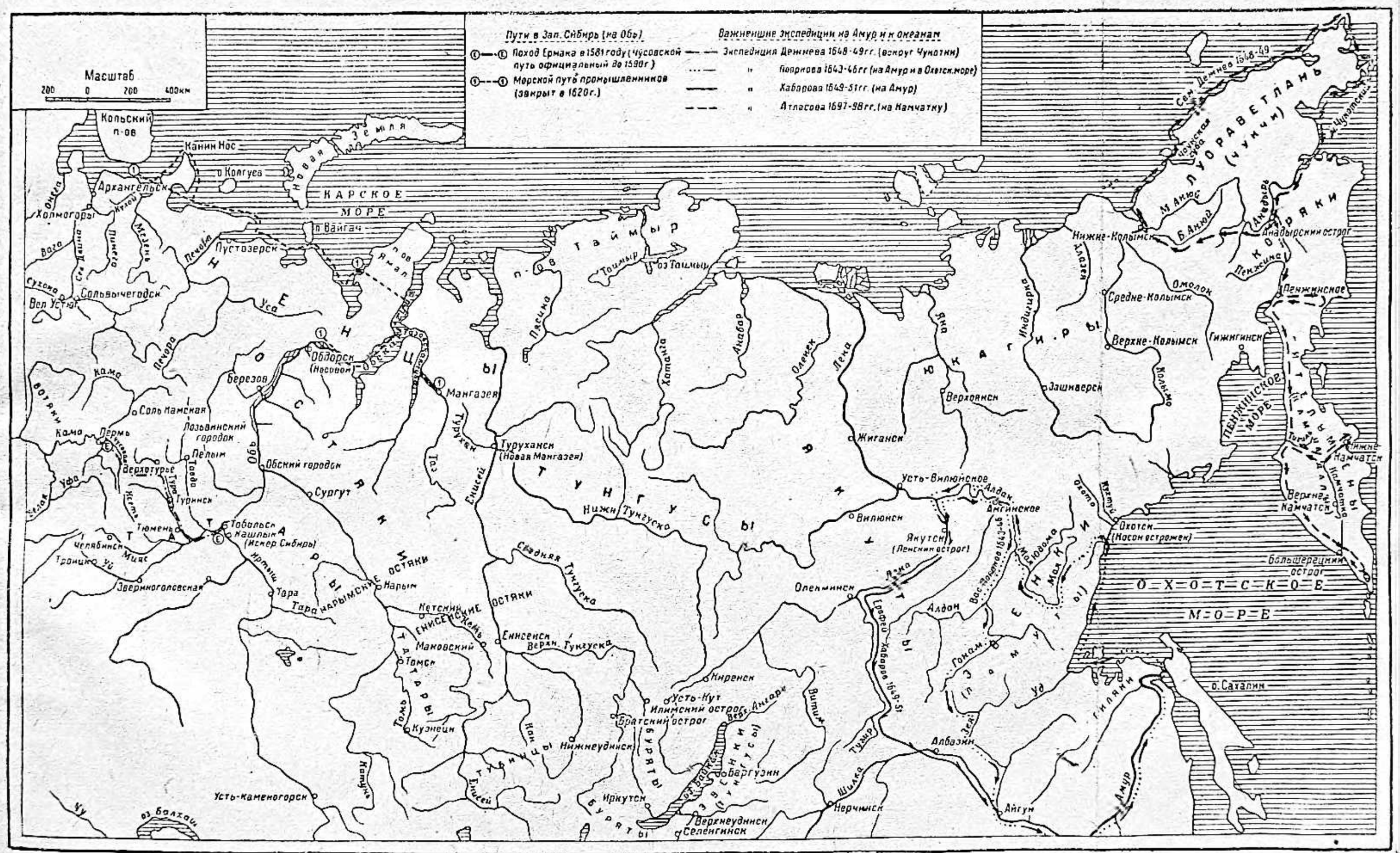
Предисловие 3
Глава первая 7
Глава вторая 11
Глава третья 15
Глава четвертая 19
Глава пятая 27
Глава шестая 39
Глава седьмая 57
Глава восьмая 73
Глава девятая 85
Библиография 96

Редактор *В. Дивин*
Техред *В. Элькинд*
Корректор *М. Хаванская*

ГМ 200299 Подписано в печать 1/VI 1945 г.
Печ. л. $3^1/_8$. Печ. зн. в 1 п. л. 59900.
Уч.-авт. л. 4,47. Уч.-изд. № 244.

Набрано в типографии газ. „Правда"
имени Сталина.
Отпечатано с матриц
в 2-ой типо-литографии УВМИ
Зак. № 4512

Карта Сибири XVI—XVII вв.



3 руб.